

VERLAG — POSSEV — REDAKTION
D - 6230 Frankfurt/M. 80, Flurscheideweg 15

НЕ ВОЛЕ БОГ, А В ПРАВЕ! — АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ПОСЕВ

Сборник статей на
социально-экономические темы
за 1976 г.

Издательство ПОСЕВ
Франкфурт/Майн
1977 г.

В сборник включены статьи из комплекта журнала "Посев" за 1975 г., имеющие неустаревающий характер.

Ограниченный объем сборника не дал возможности составителям использовать весь материал, имеющий непреходящий характер.

В дальнейшем намечается выпуск аналогичных сборников посвященных различной тематике.

ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ДИКТАТУРЫ!

В первых числах января, в районе автомобильного завода им. Лихачева в Москве распространялись листовки, подписанные НТС. Листовки посвящены состоянию общества в канун XXV Съезда КПСС.

К XXV СЪЕЗДУ ПАРТИИ

Граждане!

XXV съезд КПСС — это двадцать пятое звено в цепи однопартийной диктатуры, сковывающей нашу страну.

Труд нашего крестьянина компартия превратила в самую черную, самую неблагодарную работу. Кормилец страны — безземельный батрак, беспаспортный крепостной. Он не может распоряжаться своим трудом. Не ему принадлежит даже приусадебный участок: его всегда может отобрать власть. Им двигают, как пешкой: если он хочет уехать, ему не дают паспорта; если хочет остаться,

его селяют в укрупненные поселки. За ищенскую подачку он пашет чужое поле многократно оплаченным, но все еще чужим инвентарем.

Наш рабочий, от имени которого компартия управляет страной, подчинен ее монополии. Самозванные хозяева — ЦК и Политбюро — решают судьбу всех и каждого. От власти сверхкапиталистов некуда уйти, против них запрещено бастовать, на них некому жаловаться. Человек превращен в винтик машины, управляемой бездушным аппаратом. Беспросветно его будущее. Тяжелый труд женщин, необходимый, чтобы свести концы с концами, подрывает здоровье и разрушает семью. Обезличенность работы, безнадежность и пустота жизни, подавленное человеческое достоинство толкают к безразличию и пьянству.

Интеллигенцию превращают в служанку режима. Ее традиционная задача — быть умом и совестью общества. А ее заставляют оправдывать, укреплять и прославлять диктатуру. Наука, культура, образование, закон, этика — все обязано служить интересам компартии, укреплять ее безраздельную власть над страной и расширять ее влияние в мире.

Ограблены крестьяне: у них отнято право свободного труда на своей земле. Ограблены рабочие: у них отнято право осмысленного труда. Ограблена интеллигенция: у нее отнято право на независимую мысль. Ограблен весь народ: у него отняты традиции, вера, достоинство, благосостояние, власть над своей судьбой.

Народно-Трудовой Союз борется за то, чтобы крестьянин стал хозяином своей земли, рабочий — хозяином своего труда, интеллигенция — хозяином своей мысли. НТС борется за то, чтобы народ стал хозяином своей страны и своего будущего. Объединяя отдельные усилия, собирая разрозненные действия, Народно-Трудовой Союз создает единый фронт. Компартия уже была вынуждена один раз отступить, полупризнав на XX съезде преступления сталинщины. Надо заставить ее отступать дальше, вплоть до капитуляции перед волей народа!

Граждане!

ПОДДЕРЖИВАЙТЕ НАРОДНО-ТРУДО-

ВОЙ СОЮЗ В БОРЬБЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОДНОПАРТИЙНОЙ ДИКТАТУРЫ!

Поддерживайте всех, кто смело и открыто выступает в защиту справедливости.

Протестуйте против произвола, требуйте к ответу партийных бюрократов, издевающихся над народом.

Бастуйте, отстаивая свои права.

Разоблачайте стукачей, активистов, пособников власти.

На всех выборах бойкотируйте кандидатов, выставленных компартией.

Присматривайтесь к людям вокруг себя, примечая честных, смелых, доверенных.

Готовьтесь к тому часу, когда народ возьмет управление страной в свои руки.

Народно-Трудовой Союз
(российских солидаристов)

ПОСЕВ 1976

Неразбериха и неуверенность

Декабрьский пленум ЦК КПСС.

Сессия Верховного совета СССР

1 декабря состоялся традиционный пленум ЦК КПСС. Помимо традиционных вопросов об «одобрении» проектов плана и бюджета СССР на предстоящий год (перед тем, как их будет «утверждать» номинальный «хозяин страны», Верховный совет СССР), первым пунктом пленум выслушал доклад Брежнева о порядке дня очередного, XXV съезда КПСС. Никаких сведений об обсуждении этого пункта не сообщается, а в опубликованном постановлении «Вопросы очередного XXV съезда КПСС» сказано об утверждении следующего порядка дня съезда:

1. Отчет ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики — докладчик генеральный секретарь ЦК Брежнев Л. И.
2. Отчет Центральной ревизионной комиссии КПСС — докладчик председатель ревизионной комиссии Сизов Г. Ф.

3. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 годы — докладчик председатель Совета министров СССР Косыгин А. Н.

4. Выборы центральных органов партии.

Таким образом, как и полагается, открывающийся 24 февраля съезд будет обсуждать директивы по десятой пятилетке. Но всякому элементарно сведущему человеку бросается в глаза позорное умолчание о проекте новой конституции. В декабре 1972 года, на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного совета СССР и Верховного совета РСФСР, посвященном 50-летию СССР, тот же Брежнев, в своем безбрежном четырехчасовом докладе «про всё», обещал, между прочим, закончить работу над новым текстом конституции СССР «до следующего съезда партии». Ну вот, съезд на носу, а где новая конституция? Сталин в 1935-36 годах за 16 месяцев отработал проект своей конституции и потом пустил его еще на «всенародное обсуждение» в течение пяти с половиной месяцев, а его выкорыщивать вот уже 14 лет не могут справиться с такой задачей. Конституционная комиссия в 96 голов, плюс председатель Хрущев, была в 1966 году «переустрясена» опять же из 96

голов, плюс председатель Брежнев, а воз и ныне там. Кое-кто там успел помереть за последние девять лет, кое-кто перестал быть «личностью» (вроде несчастного Семичастного)...

По вопросам плана и бюджета СССР в информационном сообщении о пленуме не сказано: обсуждались ли эти вопросы вообще, были ли выступления, хотя бы кто выступал (в последнее время обычно ограничивались перечислением фамилий и должностей ораторов). Сказано только, что «выступил с большой речью Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Брежнев Л. И.» и что пленум «принял по этим вопросам соответствующее постановление», которое также опубликовано.

Постановление это сводится к одной стереотипной фразе: «Одобрить в основном проекты Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1976 год и Государственного бюджета СССР на 1976 год и внести их на рассмотрение сессии Верховного Совета СССР».

Но, по слухам из Москвы, выступление Брежнева по этому пункту было отнюдь не стереотипным. Оно было погромным: Брежнев отчитывал руководящие, номенклатурные кадры партийно-государственного аппара-

рата за экономические провалы, которые уже никак нельзя свалить на пресловутые «объективные причины», начиная с «климатических условий». Яснее эти провалы и «отдельные недостатки» выступили на сессии Верховного совета, которая состоялась, как обычно, впритык к пленуму ЦК правящей партии, со 2-го по 4-е декабря.

Повестка сессии ограничилась теми двумя хозяйственными вопросами, которые накануне были «одобрены» подлинным хозяином — пленумом ЦК партии:

1. О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1976 год — докладчик председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков (как и на пленуме ЦК КПСС);

2. О Государственном бюджете СССР на 1976 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1974 год — докладчик министр финансов СССР В. Ф. Гарбузов (как и на пленуме ЦК КПСС).

Из доклада Байбакова, при всех его осторожных, порой завуалированных формулировках, при всех попытках балансирования эффектами, все же отчетливо можно видеть, насколько неблагоприятны экономические итоги истекающего года — завершающего девятую пятилетку.

Ожидается, что национальный доход в 1975 году (по сравнению с 1974 годом) возрастет на 4%, хотя запланировали год назад 6,5%. Продукция промышленности должна увеличиться на 7,5%, при плане 6,7%, но Байбаков жаловался, что «отдельные министерства, перевыполняя планы по общему подъему реализации продукции, в то же время не полностью выполняют задания по производству ряда важнейших видов изделий, в которых остро нуждается народное хозяйство. Это относится, в частности, к министерствам черной металлургии, тяжелого и транспортного машиностроения, химического и нефтяного машиностроения»... Так это ж «киты» индустрии! Впрочем, и «министерство легкой промышленности СССР не выполняет план производства и поставок некоторых видов тканей, обуви и трикотажных изделий»... То есть не одевает и не обувает, а тоже старается отделяться пресловутым «валом».

Байбаков так и говорит: «В промышленности часть предприятий работает неритмично, не выполняет государственных плановых заданий по выпуску продукции и повышению качества. Это отрицательно сказывается на работе не только данных предприятий, но на

деятельности смежников, на общих темпах роста производства».

Относительно продукции сельского хозяйства за 1975 год вообще ничего не сказано: не приведено ни одного цифрового показателя! Сколько собрано хлебов? Как возросло или сократилось животноводство? Каков же эффект сельскохозяйственных капиталовложений в 31 миллиард рублей, поставок техники, минеральных удобрений, расширения мелиоративных работ? Байбаков ограничился меланхолическим замечанием: «Как известно, в этом году сложились крайне неблагоприятные погодные условия. Это не позволило нам выйти на уровень плана по ряду показателей сельскохозяйственного производства». Да разве это объяснение для страны в 22,5 миллиона квадратных километров, раскинувшейся по континентам Европы и Азии? Это же не Албания, не Италия, даже не Канада по площади и не пустыня Сахель по однородности почвы.

Сколько же собрано зерна, об этом пока приходится лишь гадать. Этим и занялись некоторые иностранные наблюдатели, анализируя отдельные формулировки из разных выступлений на сессии. Но все такие гадательные экстраполяции не внушают доверия, и

лучше их оставить. Ясно одно: ни годовой план, ни вся девятая пятилетка тут не выполнены. Даже если поверить советским данным, что в 1973 году было собрано 222,5 млн. тонн зерна («Посев» в № 3 с. г. писал, что зерно сдавалось влажным), то и тогда надо было бы собрать в этом году не менее 207,6 млн. тонн, чтобы выполнить задание пятилетки и получить среднегодовой валовой сбор в 195 млн. тонн. Это ни Байбакову, ни Брежневу и не снится.

А что с животноводством? На сессии вскользь было сказано о том, что граждане скармливают хлеб личному скоту. Но это означает, что нет фуража, нет нормальных кормов. А если не будет ни хлеба, ни фуража, то как же может расти поголовье скота? Перспектива мрачная: «социалистическая» Россия закупила около 30 млн. тонн «капиталистических» хлебов в Северной Америке, в Западной Европе и в Австралии, теперь надо будет плыть в Южную Америку за аргентинским мясом.

Верховный совет СССР утвердил основные показатели Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1976 год, т. е. прирост в процентах к 1975 году (в скобках — прошлогодние плановые задания на 1975 год

в процентах к 1974 году):

национальный доход	5,4 (6,5)
продукция промышленности	4,3 (6,7)
в том числе:	
производство средств производства	4,9 (7,0)
производство предметов потребления	2,7 (6,0)

Как видим, по главнейшим показателям намечено резкое снижение. Конечно, для всякой индустриально-насыщенной страны, особенно при нынешнем спаде мировой конъюнктуры, это было бы закономерным. Но разве нас постоянно не уверяют, что у марксистской экономики особые законы развития? И насколько СССР стал индустриально-насыщенной страной? И каковы тут степени насыщения в разных областях?

Ведь если при среднем росте продукции всей промышленности в 4,3% производство средств производства возрастает на 4,9%, а производство предметов потребления на 2,7%, то это означает, по простому расчету, что тяжелая промышленность в 2,66 раза мощнее легкой, ибо только тогда средневзвешенный процент будет выше среднеарифме-

тического и даст показанную величину:

$$(1 \times 2,7 + 2,66 \times 4,9) : (1 + 2,66) = 4,3.$$

А это означает, опять же по простому расчету, что пресловутое соотношение группы «А» (производство средств производства) и группы «Б» (производство предметов потребления) в общем объеме продукции промышленности равно $72,7\% : 27,3\%$. Но, по официальным данным, и перед девятой пятилеткой оно было почти таким же — в 1970 году значилось $73,4\% : 26,6\%$. Стоит ли придавать большое значение сдвигу в $0,7\%$ для каждой стороны? Однако какой шум был поднят на счет пятилетки «поворота лицом к потребителю», как это покатилося по мировой прессе... Сколько декламации в Директивах XXIV съезда КПСС по девятой пятилетке: «пропорциональное развитие общественного производства», «наиболее полное удовлетворение жизненных потребностей советского народа», «повышение удельного веса промышленности, производящей товары народного потребления» и т. п. А при Хрущеве в 1960 году группа «Б» достигала $27,5\%$, а при Сталине в 1950 году $31,2\%$! Таковы ухабы «плановой», «социалистической» советской экономики.

Про сельскохозяйственное производство в тексте закона Верховного совета об утверждении плана 1976 года не сказано ничего. В докладе Байбакова, однако, говорилось, что валовая продукция сельского хозяйства должна превысить «среднегодовой ее уровень за истекшее пятилетие» на 70%; валовой сбор зерна должен быть выше «среднегодового производства в девятой пятилетке» на 140% — так что надо еще подождать среднегодовых показателей старой пятилетки, после ее кончины.

А пока что Байбаков предупреждает: «Недостаток кормов, вызванный сильной засухой в этом году, скажется в определенной мере на производстве продукции животноводства», но колхозы и совхозы должны «максимально сохранить, а там, где возможно, — увеличить маточное поголовье, не допускать снижения продукции»! Что касается интересов государства, то: «Повышается роль твердого плана закупок сельскохозяйственных продуктов. Возрастает значение договоров контрактации»... Одним словом, дело возвращается к испытанным методам «выкачки», знакомым каждому колхознику с первых дней сталинского «развернутого наступления социализма». Эти методы не раз ставили страну перед

полным крахом сельскохозяйственной экономики, и немало за годы «либерализации» говорилось о раскрепощении крестьянской инициативы, да вот, видно, вольный труд непеносим для очей диктатуры.

Подача сообщений и материалов пленума ЦК и сессии Верховного совета в казенной прессе, — вымуштрованной, но и задерганной, — полна какой-то нервозности, суетливости, неуверенной шумоватости, изобилующей штампованными бравадами и визгливыми заклинаниями. Всё это, видимо, отражает атмосферу, царившую на самих заседаниях высоких собраний, а также в кулуарах и за кулисами.

6 декабря, под конец недели, в «Правде» была напечатана необычайно длинная, в три полных колонки, передовая статья «По ленинскому пути — к коммунизму». В ней сначала, без особой надобности, повторяется то, что было уже сказано в сообщении о пленуме ЦК, а затем передается краткое содержание речи выступавшего там Брежнева, до очевидности очищенное от окриков, и потом излагаются обычные установочные положения передовых статей, только сильно насыщенные славословиями лично Брежневу. Создается впечатление, что где-то было решено

наверстать упущенный фимиам и цементировать фундамент власти генерального секретаря ЦК КПСС. Подозрительно, почему и зачем это оказалось нужным в такой навязчивой форме.

Кстати, и тут не повезло: уже на следующий день, 7 декабря, редакции пришлось напечатать поправку к этой передовой статье. Оказалось, что напутали с величиной национального дохода. Такие вещи на верхах не любят, за это работникам печати при Сталине ломали жизнь, а в послесталинские времена карьеру. Неизвестно, какие «оргвыводы» последовали тут, но этот малый эпизод лишь оттенил общую неразбериху и неуверенность в аппарате власти.

ПОСЕВ 1976

Врачи, больные и государство

Ю. ЧИКАРЛЕЕВ

Недостатки советского здравоохранения

Руководство КПСС старается представить здравоохранение управляемой им страны как одно из главных достижений советской власти. Партийная пропаганда в стране и за рубежом на все лады расхваливает «бесплатное» советское здравоохранение.

И тем не менее даже социалистические страны советского блока не полностью переняли эту систему, а, где возможно, цепляются за старые элементы собственных систем здравоохранения, сохранившиеся с буржуазных времен (например, в ГДР сохраняют систему больничных касс, окончательно отстроенную при Гитлере).

Официальная пропаганда любит у нас щеголять хлесткими цифрами статистики и подчеркивать, что в СССР наибольшее в мире

количество врачей на каждые 10 тысяч жителей. Недавно сообщили, что в 1975 году количество медиков в нашей стране перевалило за 5 миллионов. Называемые цифры скорее всего соответствуют действительности. Но почему же все-таки в нашей стране острый недостаток лечащих врачей, в поликлиниках огромные очереди, больницы забиты?

Быть может, советский человек болеет больше и дольше всех? Если допустить, что в СССР люди болеют больше и дольше, чем в других странах, то это не может не зависеть, в частности, от системы и «советского образа жизни».

Но фактически у нас болеют меньше, чем в странах Запада, хотя бы потому, что в СССР получить освобождение от работы по болезни значительно труднее, чем на капиталистическом Западе: там частный врач почти бесконтрольно подписывает бюллетень, получая при этом еще и материальную выгоду, а профсоюзы строго следят за тем, чтобы права трудящихся не ущемлялись. Советский же «государственный» врач находится под постоянным нажимом партийных организаций и руководителей предприятий, а советские профсоюзы дуют с ними в одну дудку. У советско-

го врача твердый «лимит» на освобождения от работы. Его постоянно предупреждают, что, в случае превышения этого лимита, будет «гореть план», и не останавливаются перед санкциями.

Данные советской прессы и практика подтверждают, что продолжительность приема в советской поликлинике (в среднем 5 минут) в несколько раз короче визита к частному врачу в капиталистических странах.

Ясна и причина противоречия между имеющимся на бумаге количеством медработников и их нехваткой на практике: бюрократизация органов здравоохранения приводит к тому, что большинство врачей не лечат, а занимают административные должности в больницах, различных инспекциях, службах и «здравах».

Существует почти единодушное мнение, что советское здравоохранение держится лишь на традиционно высокой морали русских медиков, чувстве долга и жертвенности простых участковых врачей, оплачиваемых чуть лучше уборщиц. Нередко это старушки, день и ночь кочующие по бесконечным пролетам лестниц — с этажа на этаж, из дома в дом, с улицы на улицу, чтобы оказать помощь людям.

Конечно, молодой врач-мужчина на автомашине, не напрягаясь, мог бы сделать значительно больше. Была бы выгода и больным, и государству, несмотря на то, что такому врачу пришлось бы платить (учитывая содержание автомашины) больше, чем у нас платят упомянутым «старушкам». Осуществить это мешают как идеологические, так и экономические причины.

Низкая оплата лечащих врачей ведет к тому, что семейный молодой врач-мужчина, чтобы прокормить семью, должен стремиться на административную должность. А бывает и так, что, если кому-либо из них это не удастся, то вообще приходится уходить из системы и работать не по специальности.

Помимо политических и идеологических причин, мешающих коренным образом улучшить материальное положение врача в рамках теперешнего режима (власть хочет, чтобы врач был зависимым от государства служащим), существует и другое препятствие. Дело в том, что значительное улучшение материального положения медработников вызовет диспропорцию их оплаты по сравнению с оплатой работников других профессий и повлечет за собой цепную реакцию повышения

всех зарплат. А на это власть не способна из-за низкого уровня производительности труда в централизованном плановом хозяйстве.

Качество советского здравоохранения страдает от недостатка денежных средств, современных эффективных лекарственных препаратов, новейшего медицинского оборудования и коек в лечебных учреждениях. Но главный его порок — унификация и штамп. Там, где совершенства можно достигнуть лишь многообразием путей и возможностей, коммунистическая партия, как правило, пытается решать вопрос по стандарту. Отсюда метания из одной крайности в другую: то хотят создавать густую сеть больниц (часто в таком случае малых, иногда лишь на несколько коек, без достаточного оборудования и медицинских кадров), то укрупняют их в огромные областные больницы, и тогда — растут очереди на койки, хромает перевозка больных.

Не случайно начальство всех рангов, как пишет и Солженицын, не хочет лечиться в этой «всеобщей, бесплатной и наилучшей в мире» системе здравоохранения, а создает для себя особые, закрытые лечебные заведения: от известной Кремлевской больницы до спе-

циальных, тоже закрытых областных больниц и даже закрытых отделений в районных больницах. Не случайно рядовой советский гражданин предпочитает, по возможности, «всеобщему и бесплатному» платные поликлиники, которые широко распространились в стране высокоразвитого социализма. Несмотря на то, что в этих хозрасчетных поликлиниках оборудование нередко хуже и старше, чем в бесплатной сети, а визит стоит не так уж мало, они пользуются огромным успехом: очереди на прием приходится ждать по нескольку недель и даже месяцев. Уже по одному этому можно себе представить качество бесплатного государственного медобслуживания.

Переходный период

Представим себе «следующий день после смены», когда упадут идеологические ограничения и в стране приступят к организации жизни так, как удобно народу.

В первую очередь потребуются спешно разгрузить государственную лечебную сеть и коренным образом улучшить медобслуживание всего населения.

Этого можно добиться даже без особых за-

трат, разрешив врачам частную практику, — как по совместительству с работой в государственных лечебных учреждениях, так и полный день. На частную практику перейдут лучшие врачи из больниц, поликлиник, амбулаторий. Чтобы при этом не оголилась государственная сеть медобслуживания, в нее потребуется перебросить дополнительные медицинские кадры.

В стране имеется огромный резерв врачей, занимающих различные административные должности во всевозможных «органах» и «службах». Так как в этих «службах» и «органах» нерационально используются дефицитные квалифицированные специалисты-медики и они к тому же без пользы поглощают огромные средства, выделяемые государством на здравоохранение, придется немедленно приступить к их разгрузке и демонтажу. В случае необходимости, работающие в этих учреждениях врачи будут заменены управленческими специалистами.

Конечно, из-за отсутствия лечебной практики, большинство врачей-администраторов утратили квалификацию: чтобы ее восстановить, им придется наново проходить стажировку в больницах. Там они будут постепен-

но заменять коллег, уходящих на частную практику.

Само собой разумеется, такая реформа будет оправданной только тогда, когда возможность лечиться у частного врача откроется всем, и трудящемуся человеку не потребуется самому платить за лечение.

Это можно обеспечить установлением твердых гонораров для частнопрактикующих врачей, счета которых будут оплачиваться не самим пациентом, а из бюджета здравоохранения. По такой же системе можно оплачивать и уже существующие хозрасчетные поликлиники, чтобы они стали общедоступными.

Следующий шаг в этом направлении — ликвидация перегрузки больниц постепенным включением в больничную сеть (подобно частным врачам, на хозрасчетной основе) частного и общественного секторов. Иначе говоря, предоставление права на содержание больниц муниципалитетам, обществам Красного Креста и различным организациям — общественным и религиозным, а также коллективам врачей, медработников. Но об этом ниже.

Иностранные модели здравоохранения

Советская пропаганда любит хвастаться, что только в СССР всех лечат бесплатно. Это неправда.

Во всех передовых капиталистических странах Европы (и даже в Испании!) трудящемуся тоже не надо самому платить за лечение, а медобслуживание в этих странах организовано несравненно лучше, чем в нашей стране.

Есть несколько моделей социального страхования. Каждая имеет свои преимущества и недостатки.

Б р и т а н с к а я м о д е л ь предусматривает полное покрытие расходов по лечению граждан из средств социального страхования и общего налогообложения. Английский врач заносит каждого своего пациента в учетную карточку и получает за него от государства оплату, так сказать, «с головы».

Преимущества британской системы в том, что больному не надо возиться с оплатой: расчеты производятся без него. Ее недостаток — в обезличивании, отсутствии конкуренции и в незаинтересованности, что обездушивает врачей: врачу надо набрать как можно больше пациентов, чтобы получить за них опла-

ту от государства; а как он их лечит, это на его оплате не отражается.

Французская модель социального страхования отстроена по другому принципу: больной сначала сам платит врачу, а затем служба социального страхования возвращает ему почти все деньги назад (от 70 до 100% стоимости лечения, в зависимости от серьезности болезни) по представлении соответствующих счетов. Многие пользуются также дополнительной страховкой, обеспечивающей стопроцентную оплату счетов за лечение, в которой также участвуют работодатели.

Преимущества французской модели в том, что врачи относятся к каждому больному как к частному пациенту, платящему деньги и желающему иметь за них максимально качественное обслуживание. Недостаток ее, особенно для малоимущих, в том, что больному сначала надо оплатить лечение самому. Конечно, ни больница, ни врач никогда не откажутся принять больного потому, что у него нет денег. Если у него в данный момент отсутствуют средства, врачи и больницы готовы ждать до тех пор, пока их счета не оплатит касса соцстраха. Если пациент неимущ и не застрахован, за него платят муниципалитеты, а

также разные благотворительные организации, государственные и частные.

Французы свой принцип обосновывают тем, что больной должен, хотя бы символически, участвовать в расходах на собственное лечение, иначе будет много симулянтов. Указывают, что частный врач, даже при наличии контроля со стороны доверенных врачей соцстраха, всегда может дать каждому своему пациенту освобождение от работы с оплатой по бюллетеню.

Немецкая система больничных касс считается самой лучшей. Основные статьи этих касс — отчисления за каждого работника, которые производит работодатель, и взносы самих трудящихся. Правда, в связи с тем, что в последнее время значительно улучшилось качество лечения и увеличилась его стоимость, этих отчислений уже не хватает и в ФРГ больничные кассы получают значительные государственные дотации. Но зато немецкому трудящемуся не только не надо самому платить за лечение, но он во время болезни еще и сохраняет фактически свой основной заработок.

Для больного вся процедура оплаты облегчена до минимума. Каждый рабочий и слу-

жащий имеет книжку отрывных больничных листков. Он сам заполняет и подписывает больничный листок и подает своему врачу. Врач вносит в листок перечень оказанных пациенту лечебных услуг и отправляет на оплату в больничную кассу. Больному не нужно беспокоиться об оплате лечения — она производится автоматически. Лекарства по рецептам врачей в аптеках выдаются фактически бесплатно (больной платит только символическую сумму за каждый подписанный врачом рецепт).

Недостаток немецкой системы видят как раз в ее сверхпростоте и бесплатности: много людей, особенно не очень занятых (домохозяйки, пенсионеры) злоупотребляют этим, ходят к врачам без особой надобности, чтобы поболтать со знакомым доктором, получить лекарство. Отсюда распространение медикаментомании и даже учащение случаев отравления в результате чрезмерного употребления лекарств.

Само собой разумеется, во всех этих системах лечение иждивенцев покрывается за счет страховки главы семьи, а пенсионеры лечатся бесплатно, хотя и не платят страховых взносов.

Здравоохранение в дореволюционной России

Система социального страхования в дореволюционной России, как, впрочем, и в других европейских странах в начале нашего века, находилась еще в периоде становления. Однако уже тогда в области здравоохранения у нас имелись очень интересные начинания, на которые обратили внимание и за рубежом.

В сельской местности лечение больных, в том числе и амбулаторное, возлагалось на так называемые земские больницы, то есть больницы, принадлежавшие местным сельским самоуправлениям. Земские больницы были бесплатными и финансировались за счет земского налога. Их было еще недостаточно, оборудование, с точки зрения теперешних условий, было простейшим. Тем не менее эти недостатки покрывались энтузиазмом и жертвенностью земских врачей, в большинстве своем разделявших идеи народничества и считавших долгом своей жизни облегчение народных страданий.

В российских городах были городские больницы, принадлежавшие городским управам и финансирувавшиеся из средств городского

налогового обложения. Малоимущие слои населения в этих больницах также обслуживались бесплатно.

На предприятиях (с количеством сто рабочих и более) полагался фабрично-заводской врач, оплачивавшийся хозяином.

В 1912 году прошел закон о больничных кассах с весьма прогрессивным по тем временам уставом: 51% мест в их правлениях принадлежал трудящимся.

Наша модель

Давно назревшая в СССР реформа здравоохранения необходима для того, чтобы, обеспечив в будущей России многообразие возможностей, поднять медобслуживание на современный уровень, при сохранении принципа оплаты расходов на лечение трудящегося и членов его семьи, а также пенсионеров, из общественных фондов.

Подчеркиваем, что хваленое «бесплатное» медицинское обслуживание в СССР — миф. Советское государство забирает у трудящихся всю прибавочную стоимость их труда и небольшую (далеко недостаточную) часть ее расходует на здравоохранение. Огромные на-

родные деньги тратятся бесконтрольно и нерационально. Значительная часть бюджета здравоохранения уходит на оплату громоздкого и неповоротливого бюрократического аппарата органов здравоохранения. Этот аппарат не только поглощает на управленческие расходы деньги, выделенные на лечение, но лишает народ сотен тысяч врачей, которые, вместо того, чтобы лечить людей, протирают локти за письменными столами. Если бы эти суммы выдали трудящимся на руки, они могли бы пользоваться услугами лучших частных врачей.

Вместо такой бюрократической системы мы предлагаем ввести твердый медицинский налог, взимаемый главным образом с предприятий-работодателей и дополняемый взносами трудящихся в счет социального страхования, а также государственными субсидиями из средств общего налогообложения.

Все эти средства поступают в распоряжение всероссийского общественного органа. Он может называться Советом здравоохранения и состоять из выборных представителей трудящихся, делегатов от лечащего персона-

ла и советников, назначаемых государством и муниципалитетами. Ему подчиняются таким же образом выбираемые местные органы здравоохранения. В распоряжение Всероссийского совета и его местных отделений поступают все средства, выделяемые на здравоохранение. В компетенцию Совета перейдет как общее руководство мероприятиями по здравоохранению, так и оплата лечебных расходов трудящихся (и членов их семей), а также выплата пособий больным (все это через органы Совета на местах).

Таким образом, в ведении Министерства народного здравоохранения остается лишь общее перспективное планирование медицинских мероприятий, научные исследования в области медицины, санитарно-эпидемический контроль и наблюдение за работой медицинских учреждений, а также координация работы учреждений государственной медицинской сети, переведенной на хозрасчет.

Вместо весьма низкокачественного стандартного медобслуживания, у трудящегося и членов его семьи появится выбор между частным, государственным и общественным лечением, оплачиваемым из средств, поступаю-

щих в распоряжение Всероссийского совета здравоохранения и его местных отделений.

Эти средства выделяются из такого расчета, чтобы обеспечить бесплатное лечение не только трудящихся и членов их семей, но и пенсионеров и инвалидов.

Технически наиболее удобна, пожалуй, немецкая система оплаты — выдаваемые на руки книжки отрывных больничных листков, которые пациент по собственному выбору сможет передать частному, общественному или государственному врачу и по которым полученные услуги оплатит затем Совет здравоохранения.

Ступени медобслуживания

Первая, пожалуй, самая важная ступень — «домашний» лечащий врач.

В своем романе «Раковый корпус» Солженицын талантливо описал, как важно иметь такого домашнего врача, обычно со временем становившегося другом семьи и на память знавшего все ваши болезни. В прошлом веке домашние врачи были лишь у состоятельных людей. Теперь, благодаря социальному страхованию, в развитых капиталистических странах каждая рабочая семья имеет домашнего

врача. Наша модель дает возможность вернуть домашнего врача широким массам России.

Параллельно частнопрактикующим врачам останется и амбулаторное лечение — государственное, муниципальное и фабрично-заводское. Здоровая конкуренция между ними будет способствовать улучшению работы медицинских учреждений.

Вторая ступень — окончательная диагностика.

Частнопрактикующий врач или небольшая амбулатория могут не располагать аппаратурой, необходимой для окончательного диагноза. Как правило, его должен ставить врач-специалист. Поэтому для окончательной диагностики создается сеть диагностических центров, специальных диспансеров, университетских и других клиник, куда лечащий врач сможет направлять больных на исследование.

На Западе также строятся центры диагностики с необходимой аппаратурой и лабораториями, но не имеющие своих врачей. Лечащие врачи имеют возможность использовать аппаратуру этих центров, чтобы лично исследовать своих пациентов. Подобная пра-

ктика, вероятно, также заслуживает внимания.

Третья ступень — больничное лечение. На него в нашей стране особые нарекания, так как оно поставлено хуже всего. И совсем не потому, что врачи плохие, а потому, что врач в советской больнице часто ставится в такие условия, что не в состоянии лечить хорошо.

Коренным образом улучшить больничное лечение можно при параллельном участии в этом деле разных организаций — частных, общественных, государственных и кооперативных (коллективы врачей, медперсонала, образующие трудовые кооперативы, которым смогут принадлежать больницы, клиники, профилактории). Больные, направляемые в них по рекомендации лечащего врача, также оплачиваются из средств, находящихся в распоряжении Советов здравоохранения.

Важное значение в нашей огромной и редко населенной стране с пока еще недостаточной сетью дорог имеет организация скорой помощи и транспортировки больных в лечебные пункты, сеть которых, из-за размеров территории, еще долго останется редкой.

Поэтому службу скорой помощи и транспортировки больных, вероятно, придется ос-

тавить в руках государства и обществ Красного креста и Красного полумесяца, финансируемых государством.

Отстройка лечебной сети

Хотя государство у нас и не справляется с задачами медицинского обслуживания, оно тем не менее не хочет допустить к участию в охране здоровья населения ни общественную, ни частную инициативу.

А между тем, в других странах, где обе эти инициативы участвуют в народном здравоохранении, имеется много людей, готовых жертвенно служить ближнему из гуманных, идейных, религиозных и других побуждений. Они создают собственные организации и в состоянии собирать на такое гуманное дело, как здравоохранение, крупные средства. Если разрешить такие организации, они возникнут и в России. Они снимут часть бремени с государственной больничной сети и тем улучшат работу органов здравоохранения.

В стране не хватает больниц. Больницы страдают от недостатка персонала, хромает организация больничного дела, недостает любви к человеку, чуткости. У государства до всего этого не дотягиваются руки. Образо-

вавшуюся брешь закроют частные и общественные организации, ставящие своей целью помощь ближнему.

Государство может и должно помогать этим организациям строить больницы, выделяя необходимые субсидии. Им можно было бы передать и часть старых больниц, обязав работать в рамках установленных правил.

Еще хуже обстоит у нас дело с равномерностью распределения врачей по стране. Помимо того, что многих врачей используют не по назначению, лечащих врачей в городах значительно больше, чем в сельской местности: особенная их нехватка — в отдаленных районах. Политика насильственной посылки молодых врачей на село все время проваливается. Чтобы не ехать в деревню, немало молодых врачей даже отказываются от дипломов и работают не по специальности; другие, отработав положенный срок, убегают в города. Не помогают и крутые меры, так как власть не в состоянии создать для сельских медработников нормальные условия труда и быта.

Уже само по себе разрешение частной практики способно в значительной степени исправить положение: врач, имеющий собственный

кабинет и постоянных пациентов, не легко сдвинется с места. Система льгот и субсидий окончательно решит проблему равномерного распределения врачей по стране.

В отдаленных местах, где не хватает врачей, государство, органы местного самоуправления и здравоохранения будут выделять участки земли, строить дома, давать средства на обзаведение и покупку медицинской аппаратуры и оборудования кабинетов молодым врачам, желающим открыть практику. В одних, особо отдаленных районах, врачам можно было бы предложить дома с кабинетами бесплатно, в других — более близких — в кредит на льготных условиях. И материальная заинтересованность, по принципу добровольности, обеспечит достаточное количество медицинских кадров.

На подобных же условиях можно строить больницы и другие лечебные объекты и передавать их тем организациям, которые возьмут на себя формирование медицинского персонала и организацию лечебного процесса.

Все эти мероприятия, а также ликвидация бюрократического аппарата здравоохранения и замена врачей на административных должностях управленческими специалистами

дадут стране дополнительно огромное количество врачей, значительно улучшат медицинское обслуживание населения.

Курорты и санатории

Санитарно-курортное дело в нашей стране также нуждается в серьезной перестройке для того, чтобы удовлетворить требования современного здравоохранения.

В начале века повсюду в мире курорты являлись дорогим удовольствием и были недоступны широким массам. Но по мере развития социального страхования в капиталистических странах на курортах стали лечиться главным образом простые люди — члены больничных касс и обществ социального страхования. Это превратило курортное дело в массовую институцию с миллионами лечащихся.

В нашей стране после 1917 года начали развивать курортное дело с пропагандных мероприятий, превратив в санатории ряд знаменитых загородных дворцов знати, но до сих пор полностью санаторное лечение не доступно всем в нем нуждающимся. В настоящее время у нас все усиливается тенденция ведомственной принадлежности санаториев

профсоюзам, отраслям промышленности, министерствам, предприятиям и объединениям. В результате туда зачастую направляют не из соображений первоочередной лечебной необходимости, а в качестве поощрения или премии за хорошую работу, перевыполнение плана и т. д. При отраслевом принципе распределения санаторных путевок их львиная доля достается привилегированным слоям населения, всевозможным начальникам, членам их семей.

Количество курортов и санаториев в курортных местностях у нас далеко не достаточно, чтобы полностью обслужить 250-миллионное население. А между тем у нашей страны непочатые возможности развития санаторно-курортного дела как в плане обслуживания собственных граждан, так и иностранцев (что означает дополнительный приток валюты). У нас имеется сколько угодно удобных мест для создания новых курортов и строительства санаториев — минеральные источники, грязи, различные климатические и природные зоны, подходящие для лечения разных болезней.

Между тем, количество санаториев у нас отстает от народных потребностей. Основная

причина все та же: государство не справляется с постройкой и организацией работы достаточного количества санаторно-лечебных учреждений и, тем не менее, не хочет допускать к участию в этом деле другие организации.

Выход из положения есть: разрешить частному и общественному секторам участие в отстройке санаторной сети. В этом случае, в дополнение к уже имеющимся государственным санаториям, сами собой возникнут курортные лечебницы и здравницы, принадлежащие общественным организациям, местным самоуправлениям, смешанным и частным акционерным обществам, а также появится много сугубо частных и кооперативных (коллективы медработников) пансионатов и клиник. В расширении курортной сети будут в первую очередь заинтересованы местные самоуправления, так как в местах, где они возникнут, появится дополнительный приток средств от лечащихся и новые рабочие места для обслуживающего персонала.

Участие частной и общественной инициативы в создании новых курортов и постройке санаториев, работающих на хозрасчете, приведет к тому, что их будет ровно столько, сколько потребуется.

Решающим станет вопрос о том, кто будет оплачивать санаторное лечение?

По нашей модели планируется так, что больных смогут рекомендовать на лечение в санаториях лечащие врачи, а направлять — нейтральные медкомиссии местных Советов здравоохранения, выделяющих необходимые для этого средства. При подобной системе прекратится посылка в санатории по протекции, по «блату» и в качестве премии от предприятий и учреждений. Предприятия и учреждения взамен получают возможность посылать своих сотрудников на отдых не в санатории, где здоровым нечего делать, а в дома отдыха и на туристские базы (в стране и за рубежом), содержащиеся за счет этих организаций.

Конечно, постройку санаториев и лечебный процесс в них и впредь придется оставить под государственным контролем. Санаторно-лечебными учреждениями будет руководить врач соответствующей квалификации, обслуживание осуществляться квалифицированным персоналом по выработанным органами здравоохранения программам.

Все санатории — государственные, общественные, частные и кооперативные коллекти-

вы медработников — будут работать на принципе хозрасчета. Помимо больных, направляемых бесплатно органами здравоохранения, они смогут принимать и частных пациентов, соотечественников и иностранцев, желающих пройти курс лечения за собственный счет. А так как в условиях свободной экономики спрос рождает предложение, недостатка в местах не будет.

Оплата по бюллетеням и пособия по нетрудоспособности

Денежное обеспечение больных у нас тоже поставлено из рук вон плохо. Вся система пособий по болезни, весь подход к этому вопросу требуют коренной перестройки.

Мы касались уже того, что получить бюллетень очень трудно. Врач имеет право освобождать от работы лишь на три дня (в то время как в Западной Европе бюллетень можно взять сразу на две недели), и больному на третий день болезни приходится снова бежать в поликлинику за освобождением. Потери рабочего времени лечащим персоналом и больными при этом обходятся государству дороже, чем эфемерная экономия в результате профилактики возможной симуляции.

Выплаты по бюллетеням мизерны и распределяются несправедливо в зависимости от стажа работы на данном предприятии. С рабочим стажем до года, заболевший получает всего 20% зарплаты. Размеры пособий совершенно необоснованно поставлены в зависимость от членства в профсоюзе, к которому относится данное предприятие. Чтобы получить 90-100% зарплаты, надо иметь восьмилетний профсоюзный стаж в соответствующем профсоюзе. При перемене профсоюза этот стаж пропадает. Лица, не состоящие в профсоюзе, независимо от стажа работы, могут получать по больничным листам максимум 50% зарплаты.

Учет стажа работы на данном предприятии при установлении размеров пособий по болезни в Советском Союзе вообще лишен логики, так как у нас все предприятия принадлежат одному хозяину — государству. Даже в капиталистических странах Запада размеры «больничных» выплат не зависят от стажа, и там в начале болезни довольно долго получают полную зарплату от предприятия, на котором работают.

Пособия по временной нетрудоспособности у нас невероятно малы: ни жить, ни тем бо-

лее содержать семью на них невозможно. Их получение сильно затруднено сложной бюрократической процедурой. Так называемые ВТЭК (врачебно-трудовые экспертные комиссии) подвергают больного долгим, обидным, ранящим человеческое достоинство и даже иногда вредным для здоровья процедурам проверки.

ВТЭК также имеют «лимит» на количество активирований по нетрудоспособности. На них, как и на лечащих врачей, тоже нажимает начальство, требуя, чтобы нетрудоспособных было как можно меньше. Нетрудно представить, скольких людей такая система преждевременно загнала в могилу!

Менять порядок выдачи пособий по болезни следует так, чтобы восстановилось доверие к врачу и пациенту. Исходить надо из предпосылки, что все больные — честные люди и симулянтов среди них ничтожное меньшинство. Тем более, что и лечебная практика показывает: чаще всего люди пытаются идти на работу именно тогда, когда, по мнению врача, им нужен постельный режим.

Учитывая международный опыт, предлагаем следующий порядок оплаты по болезни.

Первое время болезни — от 1 до 3 месяцев,

в зависимости от условий, — оплату берет на себя предприятие, на котором больной работает; оно сохраняет за больным основную зарплату.

Если болезнь длится дольше установленного социальным законодательством срока, оплата по бюллетеню переходит в компетенцию Совета здравоохранения, который выплачивает больному содержание, приближающееся к размерам его основного заработка.

При заболеваниях долгих, хронических, местный Совет здравоохранения оформляет больному временную нетрудоспособность и назначает пособие, определяемое из расчета обеспечения нормального существования трудящегося и его семьи.

Конечно, осуществление предлагаемого нами порядка оплаты по болезни невозможно в условиях существующего режима, так как низка производительность труда на государственных предприятиях и нерентабельна вся государственная экономика, а партия и правительство к тому же транжируют народные деньги на содержание раздутого бюрократического аппарата, гонку вооружений и финансирование иностранных диктаторских режимов. Но такой порядок оплаты по болезни будет вполне реальным, если страна перейдет

на свободную экономику, — повысятся производительность и заинтересованность людей в плодах своего труда, а государственный бюджет станут контролировать свободно избранные народные представители.

Параллельность обслуживания населения разными, независимыми лечебными организациями, высокие заработки врачей, независимость медиков от государства — все это будет способствовать совершенствованию народного здравоохранения.

В условиях свободы и личной ответственности только укрепятся традиции жертвенности и бескорыстного служения людям, всегда бывшие отличительной чертой российских врачей.

При независимости лечебных организаций от партийных и правительственных инстанций сами собой уйдут в прошлое уродливые порядки привилегированного обслуживания «руководящих» больных, ликвидируются закрытые больницы и поликлиники.

Азбука инфляции

А. ФЕДОСЕЕВ

Причины, ведущие к инфляции, замаскированы огромным количеством противоречивых фактов, точек зрения, политических позиций, и во всей их сложности едва ли постижимы отдельным человеческим мозгом. Однако это не мешает им быть по своей сути весьма простыми и доступными пониманию человека, не являющегося специалистом в экономике. Именно это я и постараюсь показать.

Деньги и товары

В любой торговле (в социалистической в том числе) противостоят друг другу: совокупность произведенных населением товаров и услуг (в дальнейшем буду писать только «товаров») и совокупность денег, находящихся в распоряжении для покупки первых. Под деньгами я имею в виду не просто банкноты, монеты, чеки и т. д., т. е. сами по себе средства обращения, а деньги, как свидетельства на право получения их обладателем соответствующих товаров или услуг.

Действительно, количество денег как сред-

ства обращения в современном обществе, как правило, меньше, чем стоимость всех произведенных товаров. Многие покупки совершаются фактически без всякого участия денег: по банковским книгам.

Ускорение циркуляции денег может еще уменьшить потребность в них, как в средстве обмена.

Деньги, о которых я говорю, это в сущности сумма всех зарплат и доходов населения в год, противостоящая совокупности всех товаров, произведенных за тот же период. Эта сумма может в несколько раз превышать фактическое количество денег как средства обращения, скажем, как в Англии, в 6-7 раз.

Естественно, что в конечном итоге всегда происходит уравнивание совокупности денег и совокупности товаров независимо от того, сколько тех или других есть в наличии. Если количество денег у населения увеличивается пропорционально количеству товаров им производимых, уравнивание происходит при неизменных в среднем ценах, а уровень жизни повышается. Если бы чудесным образом производительность труда населения увеличилась, а зарплата бы сохранилась — уравнивание произошло бы при более низких це-

нах. И в этом случае (как и всегда) население получило бы то, что оно произвело. Произведя больше, оно и получило больше. Уровень жизни возрос (при той же зарплате!). Однако такая ситуация по причинам, о которых дальше, не возникает.

Совокупность денег у населения в настоящее время растет скорее, чем растет количество произведенных им товаров, и выравнивание происходит на более высоком уровне цен. Происходит инфляция. Следует отметить, что и при этом население в целом получает даже больше товаров (производительность труда все же хоть немного растет). Казалось бы не о чем беспокоиться: народ в целом не страдает. Причиной для беспокойства является потеря чувства устойчивости и предсказуемости жизни, а главное, перераспределение товаров между различными группами населения. Шахтеры, например, в Англии силой вырвали себе в 1974 г. 30%-ное увеличение зарплаты и соответственно больше товаров из общей совокупности. Поскольку из-за этого события количество угля в стране не увеличилось (фактически, даже уменьшилось), то выравнивание происходит теперь на более высоком уровне цен. При этом другие

группы населения оказываются обделенными, получая за прежние деньги меньше товаров. Инфляция очень характерна тем, что, — как легко видеть (пока количество производимых товаров в стране не падает), уровень жизни населения в среднем сохраняется, т. е. уровень «сильных» групп населения (шахтеры, железнодорожники и т. д.) повышается, а страдают «слабые» слои населения, бессильные брать общество «за горло».

Несмотря на элементарность этих рассуждений, они дают возможность легко судить о том, что увеличивает, а что уменьшает инфляцию. Рассмотрим с этой точки зрения отдельные факторы.

Налоги

Можно подумать, что налоги, изымая у населения деньги, уменьшают их совокупность у него и, следовательно, уменьшают инфляцию. Так и было бы, если государство эти деньги хоть бы частично не расходовало. Однако оно расходует их без остатка на пенсии, пособия, здравоохранение, образование, на различные общественные нужды. Все эти деньги в конечном итоге попадают также без остатка в руки населения. Только не тех, кто

их первоначально заработал, а других, которые их, конечно, тоже используют для покупки потребительских товаров. Поэтому никакие налоги инфляцию уменьшить не могут. Скорее они могут ее увеличить, ослабляя стимулы для производительного труда и уменьшая таким образом рост количества производимых товаров.

Дефицит государственного бюджета

Дефицит государственного бюджета покрывается путем печатания новых денег. Эти новые деньги, расходуемые государством сверх налоговых поступлений, попадают опять в руки населения и, следовательно, увеличивают совокупность денег, не увеличивая совокупности производимых товаров. Следовательно, дефицит представляет собой самую чистую инфляцию.

Налоги на корпорации

Поскольку эти налоги полностью государством расходуются, попадая в руки населения (только другим лицам), они не уменьшают у населения совокупности денег и, следовательно, инфляции. Корпорации «добывают» эти деньги (на налоги) не в виде манны небесной,

а путем соответствующей надбавки на цены, производимых корпорациями товаров (и другого способа нет).

Финансирование промышленности государством

Государство, как правило, употребляет часть расходов на финансирование промышленности (или сельского хозяйства). На первый взгляд это кажется разумным средством борьбы с инфляцией путем вложений в увеличение производства товаров. Однако государство, как правило, финансирует банкротов, т. е. наименее эффективные предприятия, хуже всего управляемые или производящие слишком дорогие товары, не выдерживающие конкуренции. По-видимому, результат в смысле увеличения производства товаров был бы лучше, если бы государство оставило эти деньги в руках тех, кто их заработал, а при нынешнем положении это финансирование не уменьшает инфляции.

Сбережения населения

Если сбережения не хранятся дома, то через банки, сберегательные кассы, строительные общества немедленно расходуются на фи-

нансирование промышленности в противовес действиям государства — промышленности наиболее эффективной, т. е. более доходной, торговли, на строительство домов. Таким образом, они опять в конечном итоге возвращаются населению в виде зарплаты и доходов. Поэтому сбережения не сокращают совокупности денег у населения, а только их перераспределяют.

Повышение цен на нефть и сырье

Считается бесспорным, что увеличение монополистами-арабами цен на нефть, а другими монополистами цен на сырье явилось одной из самых главных причин инфляции. Пожалуй, можно лишь пожалеть, что это не так. Сейчас цены на нефть и на сырье не только не растут, а имеют тенденцию к снижению. Инфляция же продолжает развиваться.

Объясняется это очень просто. Англия, например, ввезла топлива, включая нефть, в 1973 г. на 1,6 млрд. фунтов стерлингов. Однако эта большая цифра составила всего лишь 2,5% всей совокупности товаров в Англии в том же году. Таким образом, повышение цен на нефть в 4 раза могло привести к увеличению цены всей совокупности английских то-

варов меньше чем на 10%. Инфляция же составила 20%.

Примерно то же положение и со всеми остальными ввозимыми товарами. Дело в том, что при всех миллиардах фунтов стерлингов экспорта и импорта каждая страна всеми доступными ей средствами старается поддерживать баланс. В 1973 г. Англия ввезла на 13,8 млрд., а вывезла на 11,4 млрд. Таким образом, разница составила 2,4 млрд. или всего 3,8% от общей совокупности товаров в Англии. У некоторых стран баланс лучше. Поэтому воздействие неблагоприятной внешней торговли никак не может приводить к 20% инфляции, как в Англии. Это воздействие в самые плохие времена удерживается в пределах 10%, а обычно не более 3-4%, причем, не всегда в отрицательную сторону.

Поэтому инфляция — явление, определяемое по крайней мере на 90% внутренними процессами в каждой стране. Этим объясняется и разница в инфляции в разных странах при одинаковых мировых ценах на нефть и сырье. То что инфляция происходит во всех странах, означает лишь, что эти внутренние процессы по своей сути более или менее одинаковы.

Охрана природы, улучшение условий труда

Расходы на эти цели имеют очень важную для качества жизни людей цель и безусловно могут приветствоваться. Однако деньги, истраченные на них, попадают в конечном итоге в руки населения и не уменьшают совокупность денег (перераспределяют их). В то же время все, что сделано на эти деньги, людьми не покупается, так как не представляет собой ни товаров, ни покупных услуг. Поэтому эти затраты представляют собой чистую инфляцию, если не компенсировать их повышением производительности труда.

Затраты на бесплатное образование, здравоохранение, увеличение отпусков

Легко понять, что эти затраты, весьма способствующие улучшению жизни людей, тем не менее в чистом виде усиливают инфляцию. Все эти затраты опять оказываются в руках населения (в виде зарплаты учителей, докторов, администраторов, затрат на оборудование, ремонт и т. д.).

Но услуги, оказываемые населению за эти деньги, населением не покупаются и, следовательно, увеличивают дефицит покупных то-

варов и услуг по отношению к деньгам населения.

Безработица

Многие считают, что безработица прямым образом ослабляет инфляцию. Однако это совсем не так. Безработные на Западе получают пособия (во всяком случае, первые год-два), мало отличающиеся от зарплаты, в то же время не производя вообще никаких товаров. Таким образом, количество производимых населением товаров уменьшается значительно сильнее, чем количество денег населения. Поэтому безработица прямым образом увеличивает инфляцию. Безработица имеет, конечно, сильное психологическое воздействие, уменьшающее аппетиты профсоюзных монополий к увеличению зарплат. В этом смысле она, безусловно, задерживает развитие инфляции. Впрочем, как показывает опыт, чаще всего не радикально.

Забастовки

В Англии за 1972 г., например, было потеряно 24 миллиона рабочих дней. В среднем, каждый работник в Англии производит това-

ров или услуг на 11 фунтов стерлингов в день. Таким образом, потери составили $11 \times 24 = 264$ млн. Поскольку однако забастовки вызывают потери и на не бастующих предприятиях или службах, то фактические потери можно оценить примерно в 1 млрд., что приносит около 1,5% инфляции. Кстати, потери общества на безработицу оцениваются для Англии в той же сумме.

Однако забастовки в таких отраслях, как производство угля, газа, энергии, как транспорт увеличивают инфляцию значительно сильнее! Можно приблизительно оценить потери от таких забастовок на примере забастовки шахтеров в Англии в 1974 г. Эта забастовка, длившаяся 3 месяца, привела к резкому недостатку угля на электростанциях и к необходимости экономить энергию по всей стране. Для того, чтобы эту экономию осуществить в необходимых размерах и организовано, пришлось ввести трехдневную рабочую неделю по всей стране. Другого эффективного способа не было.

Три рабочих дня вместо пяти означают уменьшение производства товаров и услуг на 40% в течение 3-х месяцев, т. е. примерно на 10% в год, что равняется 10% инфляции в год.

Профсоюзные монополии, конечно, одержали верх над государством (в Англии добыча угля национализирована) и вырвали 30% увеличения зарплаты. Нашлись (и всегда находятся) люди, утверждавшие, что государству дешевле было уступить сразу. Отнюдь нет. К шахтерам немедленно бы присоединились другие «сильные» слои: работники транспорта, электростанций и т. д. Все хотели быть не хуже шахтеров. Стала модной фраза: поддержание дифференциалов в ступенях зарплаты. (Кстати, в 1975 г. шахтеры хотели еще от 40 до 60% прибавки). Эта борьба государства дала населению почувствовать соотношение сил в стране и его следствия.

Если бы все получили 30% прибавки, инфляция была бы 30%. Поскольку не все так сильны, чтобы брать общество за горло, инфляция ограничилась 20%.

*Затраты на увеличение пенсий и пособий,
необходимые из-за инфляции*

В Англии — около 13 миллионов пенсионеров и получающих пособия. Затраты на пенсии и пособия достигают 13 млрд. фунтов стерлингов. Совокупность же товаров и услуг, произведенных в стране, составляет около 60

млрд. Уровень инфляции в Англии в 1974 г. — 20%. Следовательно, нужно увеличить пенсии и пособия на 20%, т. е. на 2,6 млрд. Совершенно очевидно, что это действие, без соответствующего увеличения производства товаров в стране (производительности труда), увеличит уровень цен в $(60 + 2,6) : 60 = 1,04$ раза, т. е. на 4%. Если прежние факторы инфляции останутся на том же уровне, то инфляция в следующем году может достигнуть 24%. Из этих примеров видно, почему правительства в тяжелые времена инфляции так неохотно идут на увеличение пенсий, затрат на образование, здравоохранение, на охрану природы, улучшение условий труда и т. д., т. е. на то, что ухудшает баланс между товарами и деньгами. Важно отметить, что стремление государства компенсировать «слабым слоям» населения то, что у них вырвали «сильные», как правило, не приводит к успеху. Компенсация увеличивает, как мы видим, инфляцию. Инфляция увеличивает агрессивность «сильных слоев», объединенных в мощные профсоюзные монополии, приводя к еще большей инфляции, требующей новой компенсации и так далее, по порочному кругу. Нищета и инфляция поэтому являются неразлучными спутниками.

Производительность труда

Легко понять, что, в сущности, главным средством улучшения баланса между совокупностями товаров и денег является увеличение производительности труда. Если бы производительность труда в Англии за 1974 г. возросла чудесным образом на те же 25-30%, на которые возросли зарплаты в стране, инфляции бы не было, а уровень жизни резко повысился бы и нищета резко сократилась. К сожалению, производительность труда в век профсоюзных монополий не может расти так быстро, если вообще может расти. Ведь главная цель профсоюзов — больше зарплаты и меньше работы — направлена против увеличения производительности труда. Кроме того, во имя идеи «поддержания занятости» в стране, профсоюзы всеми доступными им средствами сопротивляются (и очень успешно) введению новых и более производительных машин и процессов, раздувая этим способом инфляцию.

Профсоюзы пользуются еще одним способом увеличения инфляции. Они запрещают увольнять излишних работников и создают

очень распространенную в Англии скрытую безработицу, что приводит к дальнейшему раздуванию инфляции «до небес».

Кто же виноват в инфляции?

Вывод сделать легко. Безусловно, леность и жадность населения и сила профсоюзных монополий. Жадность капиталистов к этому отношения не имеет. Если не говорить об исключениях, то жадность капиталиста к получению прибыли законно реализуется в стремлении увеличить количество произведенных и проданных товаров и услуг. Таким образом, эта жадность инфляции не способствует, а противодействует.

Дело же в том, что в последний десяток или десятки лет баланс сил между работодателями и работниками резко нарушился в пользу последних в результате целого ряда недемократических привилегий, дарованных профсоюзам. Законы, созданные обществом, противодействуют созданию капиталистических монополий (что правильно, конечно), но не только не преследуют профсоюзные монополии, а обеспечивают их всяческой поддержкой. В результате, например, конгресс тред-юнионов

Англии командует 13 миллионами членов, т. е. почти 1/4 всего населения (включая стариков и детей). В СССР для диктатуры партийных хозяев оказывается достаточным иметь 14 миллионов членов КПСС, т. е. всего 6% населения.

Естественно, что сила таких гигантских монополий превосходит все, что можно себе представить. Она сокрушает не только любую капиталистическую монополию: и государство не в состоянии ей противодействовать. Больше того, с помощью законов о закрытых для нечленов профсоюзов предприятий (дарованных обществом) профсоюзные монополии приводят теперь к послушанию и общество. Этому особенно способствует подчинение профсоюзным вождям (прямое или косвенное, добровольное или вынужденное) радио, телевидения и печати. Таким образом, бесспорно, инфляция вызвана, поддерживается и усиливается самим обществом, с помощью созданных им гигантских профсоюзных монополий.

«Простой» рецепт для ликвидации инфляции

Общество, конечно, склонно винить в инфляции кого угодно и что угодно кроме себя и склонно искать против инфляции каких-то чудес в решетке, которые позволили бы ему продолжать удовлетворять свои, все нарастающие, лень и жадность и одновременно избежать инфляции. К сожалению, это невозможно.

Рецепт против инфляции «очень простой»:

1) Ограничить расходы государства, т. е. поток всяких бесплатных (а фактически очень дорогих) услуг, денежных выдач и т. п. Сократить доходы государства, т. е. налоги.

2) Поставить любое повышение зарплаты в прямую зависимость от соответствующего увеличения производительности труда; там, где производительность труда не может быть критерием, — поставить в прямую зависимость от соответствующего увеличения совокупности товаров и услуг, произведенных в стране в целом. Легко понять, что этот рецепт безотказно ликвидирует инфляцию. Однако для реализации этого «простого» рецепта необходимы очень непростые меры: соответствующее образование населения (доведения до

его сознания истинных причин инфляции) и поддержка им законодательства, лишаящего профсоюзы их недемократических привилегий (права на монополию, права на закрытые для нечленов профсоюза предприятий, права на пособия забастовщикам за счет налогоплательщиков, права брать общество за горло с помощью забастовок). Это восстановит необходимый баланс между силами инфляции (профсоюзов) и антиинфляции (промышленности и сельского хозяйства).

Однако можно смело утверждать, что в настоящее время люди еще слишком мало разобрались в этом вопросе и, самое главное, слишком мало пострадали вообще, если не говорить о «слабых слоях» населения, чтобы способствовать проведению подобных мер. Ведь пока производительность труда хоть медленно, но растет, средний уровень жизни тоже растет, несмотря на инфляцию.

Плановое социалистическое хозяйство и инфляция

Казалось бы, плановое социалистическое хозяйство представляет собой другой выход из положения. В этом другом выходе не сомневаются миллионы людей на Западе и, в

первую очередь, многие и многие весьма образованные. Однако у централизованного планового хозяйства, которого не избежать с целью управления после национализации основных средств производства, есть коренной дефект. Чем точнее и лучше составлен государственный план, тем меньше он допускает «произвола» в действиях миллионов исполнителей. План, законченный составлением сегодня, рассчитан по крайней мере на год вперед, а чаще на 5 и даже 15 лет. Поэтому в нем абсолютно невозможно предсказать будущие миллиарды конкретных местных несоответствий плановых указаний и неизбежно меняющихся условий.

Однако как можно на ходу изменять план, сверстанный в объеме государства (многими тысячами участников), в соответствии с непрерывно меняющимися условиями? Такой план, если в нем действительно предусмотрен государственный баланс совокупности производимых товаров и совокупности зарплат, невозможно переверстывать не только каждый день, но даже и каждый месяц или полгода. Это приводит к тому, что любой исполнитель (хотя он сам и составлял свой «исходный кусок» государственного плана) не

властен изменять утвержденный ему «вверху» план и действовать в соответствии с обстоятельствами. Если бы такой произвол был допущен, он бы привел к немедленному разбалансированию государственного плана и превращению оного в «филькину грамоту».

Следствием этой неизбежной и необходимой жесткости государственного плана являются огромные, в сумме, потери и неэффективность, выражающиеся (даже при заниженных планах) в фактическом, но часто замолченном невыполнении планов и в низкой производительности труда.

Второй дефект. Человек, произведший, скажем, вдвое больше товаров, чем предусматривалось для него планом, не имеет возможности получить вдвое больше зарплаты (или вообще получить больше): в пределах государственного плана это можно сделать только за счет других людей, в ущерб им.

Поэтому вполне разумно планируемое государственное хозяйство тоже не может сохранить баланс товаров и зарплат. Вопрос зарплат находится в руках государства, но вопрос вложения труда каждым из миллионов работников остается в «ненадежных» руках этих самых работников. Поэтому государственное плановое хозяйство при регулируе-

мых зарплатах и ценах всегда обречено на постоянный недостаток товаров потребления. Таким образом, от жадности и нежелания работать не уйти и в государственном планируемом социалистическом хозяйстве. Скрытая или открытая инфляция свирепствует в таком хозяйстве не меньше чем на Западе, прикрываясь в значительной степени просто отсутствием нужных товаров.

Социалистическое государство понуждает к труду, «организованно» увеличивая время от времени (под давлением, конечно) зарплату и нищенские пенсии, но не может «отличать» отдельного хорошего работника от отдельного плохого. Поэтому все знают: «Как хорошо ни работай, все равно больше не заработаешь. Как плохо ни работай, тоже меньше не получишь». Поэтому увеличивая совокупность денег у населения, государство не получает взамен соответственно большего вложения труда и совокупности товаров (если не происходит обратного, что тоже бывает). Невозможность избежать инфляции в планируемом государственном хозяйстве усугубляется тем, что и уровень жизни по «плановым причинам» остается значительно более низким чем при непланируемом, но гораздо более эффективном «хаотическом» хозяйстве, управляе-

мом самими миллионами, каждым в отдельности. Если, кстати, не «спустить» уровень жизни на Западе до социалистического, а всего лишь затормозить его, то не только исчезла бы инфляция, но и цены бы снизились.

Разница между инфляцией планового государственного хозяйства и хозяйства Запада в том, что первая вытекает из слишком малой производительности труда, а вторая — из слишком высоких зарплат. И то и другое нарушают необходимый (или желательный) баланс.

Малое - красиво

Б. СЕРГЕЕВ

Под этим названием в 1973 году в Англии вышла книга Эрнста Ф. Шумахера, с подзаголовком «Экономика, как будто бы люди что-то значили». Первоначально книга осталась почти незамеченной критикой, и только к весне 1976 года, когда ее тираж в Англии и США* превысил 110 000 экземпляров, пресса на нее обратила внимание. Книга — не только протест против гигантомании в народном хозяйстве, против культа неограниченного роста потребления и производства, но и своеобразный манифест принципов народного хозяйства, построенного на нравственных, а не на материалистических началах, требование «техники с человеческим лицом». Книга во многом перекликается с теми поисками «тре-

* E. F. Schumacher. *Small is beautiful; Economics as if people mattered*. New York, Harper & Row, 1975, 305 p.

тьего пути» в экономике, которыми была занята российская оппозиция еще в тридцатые и сороковые годы, и потому заслуживает особого внимания на страницах «Посева».

Автор, немец по происхождению, был в молодости другом Джона Мейнарда Кейнса, основного теоретика регулируемого капитализма. Впоследствии автор много лет служил консультантом британского государственного треста угольной промышленности, где добился широкой автономии отдельных предприятий и противился слишком поспешной замене угля «дешевой» нефтью. За последние десять лет он создал фирму «Группа развития средней техники», которая обслуживает нужды развивающихся стран, где применение «высокой техники» богатых промышленных стран зачастую нецелесообразно.

Нерешенный вопрос производства

Шумахер начинает свою книгу с развенчания мифа о том, что современная техника «решила вопрос производства», и что изобилие для всех таким образом в принципе обеспечено. Вопрос производства лишь *кажется* решенным, потому что эта техника истощает

свой капитальный фонд, принимая истощение за чистый доход. В капитальный фонд современной техники и экономики входят запасы энергии в земной коре; биосфера, обуславливающая жизнь человека; наконец, нравственные ресурсы человечества.

Сегодняшняя техника и экономика живут за счет этих капитальных фондов. Невозобновимые запасы горючего истощаются ускоряющимися темпами; возобновимые источники энергии (такие, как гидроэнергия) составляют ничтожную часть энергетического баланса мира. Способность биосферы впитывать и нейтрализовать чуждые ей вещества: бесчисленные твердые, жидкие и газообразные отходы производства и потребления — также истощается, и общий объем обеспечивающего жизнь фотосинтеза в мире идет на убыль. Истощаются, наконец, нравственные ресурсы человечества, поскольку рост материалистической экономики разрушает сложившиеся системы ценностей.

Разрушая базу, на которой она построена, современная система техники и экономики представляет собой явление сугубо временное. В постоянном плане — проблема производства вовсе не решена. Это не было ясно

при Кейнсе, когда масштабы производства были относительно скромными. Невероятный скачок мирового производства за последние 30 лет делает это очевидным. Если предприниматель не выгонит бухгалтера, записывающего истощение капитального фонда в доход, то ему грозит неминуемое банкротство. Перед миром стоит задача создания постоянной, а не временной системы производства и потребления, системы, основанной на непрерывном обновлении, а не истощении капитального фонда.

Чтобы создать такую систему, утверждает Шумахер, надо прежде всего уделить внимание вопросу масштабности. Малому труднее нарушить естественное равновесие «космического корабля Земля», чем большому. Малое скорее поддается пониманию и контролю человека. Наконец, ограничение себя материально малым дает возможность росту духа — единственной области, в которой неограниченный рост возможен.

Нравственные основы хозяйственного строя

Движущие силы современной экономики как капиталистической, так и социалистической, это жадность и зависть, пишет Шума-

хер. Поэтому ведущие идеологии последних 150-ти лет стараются вынести нравственный вопрос за скобки, а то и поставить его вверх ногами. Шумахер цитирует С. Нассау, занявшего новоучрежденную кафедру политэкономии Оксфордского университета в 1825-м году: «Для массы человечества стремление к богатству есть великий источник нравственного совершенствования». От подобных взглядов пошла мечта «о системе столь совершенной, что никому не надо будет быть добрым». Если все будут богатыми — не будет и войн, так как не из-за чего будет воевать. Иллюзия, что богатство приведет к миру, очень заманчива, пишет Шумахер: «не надо ни самоотречения, ни жертвы, наоборот!». Кейнс не так легкомысленно относился к вопросу добра и зла. В 1930-м году он писал, что настанет день, когда все станут богатыми: «Тогда мы снова поставим цели выше средств и доброе выше полезного. Но берегитесь, — продолжал Кейнс — это время еще не настало. По крайней мере еще сто лет мы должны делать вид, что зло есть добро, а добро — зло. Стяжательство, лихоимство и скупость должны еще некоторое время быть нашими кумирами. Только они могут нас вывести из тьмы экономической необходимости

на свет». Таким образом, даже просвещенный капитализм Кейнса, подобно социализму, построен на предпосылке, что цель оправдывает средства.

Шумахер утверждает, что благосостояние на нынешнем уровне наиболее развитых стран неосуществимо в мировом масштабе в обозримом будущем (кейнсовские сто лет); что на основе материалистической философии «обогащайтесь!» всеобщее благосостояние в принципе неосуществимо и что даже если бы оно было осуществимо, оно не могло бы обеспечить мир на земле.

По первому пункту его аргументация сходна с аргументацией Римского клуба и «Пределов роста» (см. «П о с е в» № 9/1972). Правда, он показывает как к такому выводу прийти «с карандашом и клочком бумаги», без сложной вычислительной техники «Пределов роста».

По второму пункту он приводит аргументы экологии и психологии. «Отношение к жизни, при котором заботятся лишь о богатстве — то есть материализм — не подходит к этому миру потому, что в нем нет самоограничающего начала, в то время как среда, в которой оно развивается, строго конечна». То, что решение одних проблем создает десятки

новых, более сложных — как, например, в области атомной энергии — это не случайный просчет, а последовательный результат технических успехов. С психологической стороны, если «такие пороки, как жадность и зависть, систематически культивировать, то это неминуемо ведет к крушению разума». «Со временем, валовой национальный доход перестает расти не от научно-технических провалов, а от паралича воли и нежелания сотрудничать, проявляемого не только эксплуатируемыми, но и привилегированными группами». «Культивирование непрерывного расширения потребностей есть противоположность мудрости». «Мудрость в экономическом плане означает устойчивость, прочность, постоянность; это несовместимо с хищническим взглядом, что роскошь наших родителей должна и для нас быть необходимостью». Постоянная, а не временная экономика означает «переориентацию науки и техники, которые должны быть основаны на мудром, на органичном, на кротком и нежном, на изящном и красивом».

По третьему пункту наличие войн есть результат не бедности и богатства (сколько войн в истории начинали богатые), а результат стремления к иллюзорным материальным

целям первенства в богатстве и власти. Систематическое культивирование жадности и зависти, необходимое для достижения богатства, усиливает, а не ослабляет вероятность насилия и войн.

Задачи экономической науки

Основной порок современной материалистической экономики — ее узость. Узость эта, прежде всего, во времени. Из-за необходимости учитывать процент на капитал (лихоимство) экономист способен мыслить лишь предельно краткими категориями одного, максимум двух десятилетий; более широкие рамки времени для него бессмысленны. «В перспективе мы все равно умрем», сказал Кейнс. Узость, кроме того, в определении понятия «цена»: наиболее ценные вещи, как воздух и биосфера, считаются бесплатными. Методологически экономистам присуще игнорировать зависимость человека от естественного мира. Узость, наконец, в том, что рынок принимается за арбитра цен на вещи, а сама природа этих вещей — никак не принимается во внимание. На рынке не может быть, скажем, святых предметов. Экономика страдает полным отрывом от метаэкономики, в которую на самом деле уходят ее корни. Ме-

таэкономика включает в себя, с одной стороны — физическую среду, а с другой — душевный мир человека.

Шумахер затем показывает, как изменится содержание экономики, если предпосылки материализма заменить предпосылками религиозными. Иллюстрируя религиозные предпосылки, он, выступая перед европейской или американской аудиторией, предпочитает ссылаться на буддизм, а выступая в Азии — на Нагорную проповедь. В книге он подчеркивает, что выбор той или иной религиозной традиции чисто условен, что суть — в нематериалистическом подходе к миру и человеку.

Общепризнано, что труд — один из основных факторов производства. Однако, пишет Шумахер, в современной экономике он скорее необходимое зло, которое следует свести к минимуму. «Идеал предпринимателя — производство без рабочих (механизация, автоматизация), а идеал рабочего — заработок без труда». «Хлеб и зрелища» — жалкая компенсация обесмысленности массового труда. Между тем, с религиозной точки зрения, труд имеет тройное значение: во-первых, он дает человеку возможность развития своих способностей; во-вторых, он дает ему воз-

возможность преодолевать свой эгоизм и соучаствовать с другими в осмысленной деятельности; лишь в-третьих, он дает возможность производства благ и услуг для достойного существования. Иначе говоря, труд в известной мере является самоцелью, а не лишь средством для заработка. Труд и отдых — взаимосвязанные начала, и отсутствие одного разрушает смысл другого.

Исходя из этих предпосылок, экономист будет смотреть, допустим, на введение автоматизации или механизации в каждом отдельном случае не с точки зрения увеличения краткосрочной прибыли предприятия, а с точки зрения увеличения долгосрочной нравственной прибыли трудящихся. Аналогичным образом, экономисты-плановики не будут тратить времени на сложнейшие расчеты — что такое есть оптимальный уровень безработицы. Полная занятость для всех желающих работать будет исходной точкой экономического планирования, даже если от этого понизится общая производительность экономики в материальном исчислении.

Идее максимализации производства на Западе сопутствует идея максимализации потребления. Чем больше потребление, тем больше производство, тем лучше для всех —

этим, в частности, оправдывает свое существование аппарат рекламы, создавая несуществующие потребности. С точки зрения Шумахера весь этот комплекс идей порочен не только нравственно, но и логически.

В области производства, говорит Шумахер, общепризнан принцип экономии средств: как достигнуть данного результата с наименьшей затратой усилий. Однако странным образом этот принцип забывается в области потребления. По-буддийски правильно было бы ставить вопрос: как добиться благосостояния с **наименьшей** затратой материальных средств. Измерять «жизненный уровень» физическим объемом «потребления на душу населения» столь же нерационально, как измерять производство — затратами на производство. Потребление никак не может быть самоцелью, а лишь средством освобождения личности. Страсть к потреблению, как всякая иная страсть, — порабощает человека.

Вместо того чтобы стремиться максимализировать потребление при помощи оптимального размещения производственных сил, экономика должна стремиться максимализировать благоденствие человека при помощи оптимального размещения потребления. Задача, скажем, легкой промышленности — не

выпускать как можно больше одежды, а создавать одежду максимально красивую и прочную, без излишних затрат труда и материала. Подобным образом увеличение, скажем, тонно-километров или пассажиро-километров на транспорте вовсе не является признаком успеха или прогресса: наоборот, эффективность пространственного размещения населения и производственных сил измеряется их сравнительной независимостью от нужды в пользовании средствами транспорта.

Наконец, экономисты должны научиться принципиально различать невосстанавливаемые ресурсы от восстанавливаемых, чтобы прекратить паразитическую эксплуатацию первых и научиться культивировать последние. Для этого нужно религиозное отношение к живой и неживой природе: люби это дерево, люби этот камень, ибо в них — Бог. Подобного рода любовь, свойственная, скажем, буддийским зодчим или плотникам, чужда современным экономистам и инженерам. Шумахер подчеркивает, что человечество вовсе не стоит перед выбором между «модернизацией и прогрессом» или «застоем и реакцией». Дух модернизации выпущен из бутылки, и вопрос стоит только так: приве-

дет ли он человечество к самоуничтожению — или к дальнейшей жизни? Если последнее, то этот дух должен быть подчинен нравственным началам в человеке и физическим пределам окружающего мира.

Развитие ресурсов

Нравственные ресурсы человечества — с точки зрения Шумахера — главный капитальный фонд мировой экономики, и с него надо начинать. Пополняются эти ресурсы образованием и воспитанием, которые, начиная с эпохи Просвещения, направлены на возвеличивание частичных истин и лишены целостного мировоззрения.

Проблема технической специализации в современном образовании ставится ложно, считает Шумахер. Что есть альтернатива специализации: дилетантство? Или иссушение ума гуманитарной наукой, которая, в ее позитивистском варианте, — бесплодна? Важно иное — оплодотворить специализацию чутким восприятием ценностей. Образование бессмысленно, если оно не передает ценностей, то есть идей, которые позволяют человеку делать выбор.

Осмысленное образование должно прежде

всего начинаться с признания ступеней бытия и иерархического строения мира, то есть с метафизики. Без понимания принципиальных различий между миром физическим, биологическим, социальным и духовным невозможно их подлинное познание, невозможно, скажем, понимание (которым обладал Эйнштейн), что из дифференциальных уравнений физики не следует никаких философских выводов или что дарвинизм не имеет отношения к общественной жизни людей. Бесплодность гуманитарных наук при расцвете наук естественных — результат метафизической безграмотности, отрицания ступеней бытия, которое ведет к несоответствию между предметом и методом его познания.

Метафизическая безграмотность ведет также к утере понимания разницы между разумом и волей. Разум может справляться лишь с «конвергентными» проблемами, которые могут быть решены на бумаге раз и навсегда. Проблема же, скажем, свободы и дисциплины для разума кажется неразрешимым противоречием. Между тем, проблема эта ежедневно решается в жизни миллионами матерей и учителей, решается не разумом, а волей, которая преодолевает кажущееся противоречие актом любви. Богатство жизни в

том, что она состоит из «дивергентных» задач, к которым неприменим логический анализ, которые человек решает бытийственно, отдавая всего себя. Целый ряд кажущихся дилемм в экономике, как план или рынок, административная централизация или промышленная демократия, — разрешимы не в плане логического анализа, а только в плане волевых актов жизни, где «и и» становится на место «или или».

Наконец, метафизическая безграмотность означает незнание этики. Кто сегодня перечислит семь смертных грехов католической Церкви или четыре основных добродетели Платона? А без этических ориентиров — как узнать направление экономической политики? Таким образом, говорит Шумахер, первая задача, стоящая перед нами, это восстановление всех трех отраслей метафизики: онтологии (учения о строении мира), гносеологии (учения о познании мира) и аксиологии (учения о ценностях, которые включают этику).

Вторая задача — это сохранение земли: как почвы в узком смысле слова, так и всей биосферы на земле. Не случайно, что «погибшие цивилизации оставляли после себя пустыни». Горделивые технократы сегодня

считают что мы — исключение, что наши потомки смогут жить в полностью искусственной среде, вне зависимости от иных организмов (кроме бактерий в кишечнике), питаясь синтетической пищей. С такой постановкой вопроса можно спорить на двух уровнях. На уровне практическом: из чего мы будем синтезировать пищу, когда все углеводороды в земной коре будут извлечены на поверхность и сожжены? Не проще ли пользоваться возобновимыми ресурсами биосферы? И так ли уж уверены технократы, что они смогут удержать, скажем, атмосферическое равновесие земного шара при полностью искусственной среде? Шумахер предпочитает спорить на уровне метафизическом: он говорит о святости нерукотворной природы. Человек не имеет права разрушать то, чего он не создал и создать не может.

Главная опасность сегодня, с точки зрения Шумахера, это отношение к сельскому хозяйству как к агроиндустрии, вторжение промышленно-химических методов в биологическую систему почвы и ее растительного покрова. С его точки зрения, промышленность и сельское хозяйство метафизически разнородны; культивирование, а не эксплу-

атация почвы требует принципиально иного, био-органического, а не механически-химического подхода. Такой подход будет, по всей вероятности, более трудоемким — но кто сказал, что занятость в сельском хозяйстве лишь 4-х процентов населения (как сейчас в США) есть идеал человечества? Близости населения к земле Шумахер придает большое нравственное значение.

Третья задача — резкое сокращение потребления невозобновимых запасов энергии, прежде всего нефти и природного газа, запасы которых наиболее ограничены, и ценность которых как промышленного сырья слишком велика, чтобы жечь их в топках электростанций или в соплах реактивных моторов. В земной коре, возможно, находится достаточно минералов и металлов, чтобы обеспечить человечество промышленным сырьем такого рода на неопределенное время; но для добычи этих ископаемых, по мере истощения близко лежащих концентрированных источников, нужно будет все больше и больше энергии. Потому вопрос невозобновимых ресурсов сводится в значительной мере к вопросу энергии. Положение же с нефтью таково, что желаем ли мы этого или не желаем, ее производство в мире начнет идти на убыль

примерно в последнем десятилетии нашего века. Что будет дальше?

Беспечность экономистов в энергетическом вопросе оправдывалась до недавнего времени надеждами на атомную энергию, на энергию расщепления ядра, которая сделала свой зловеший дебют летом 1945-го года. Усилия, затраченные за последние 30 лет на «мирное использование атомной энергии», обусловлены, вероятно, в психологическом плане обстоятельствами этого «дебюта». Шумахер считает, что энергия расщепления ядра по самой своей природе не может быть мирной, что атомная техника насильственна и античеловечна. «Рентабельность» атомных реакторов рассчитывается близоруко-экономически (в данный момент дешевле, чем уголь в таких-то районах), а угроза радиоактивности не только человеку, но всему живому, беззаботно выносится за скобки. Экономисты, сами не умеющие мыслить более как на два десятилетия вперед, бодро поощряют производство радиоактивных отходов, которые будут оставаться радиоактивными тысячи, а то и десятки тысяч лет. Отходов, которые мы не научились ни обезвреживать, ни безопасно хранить. Да и какая может быть гарантия безопасного хранения на много тысячелетий вперед?

Хотя сам атомный реактор теплоэлектростанции и не может взорваться, как бомба, а «только лишь» расплавится при аварии (с соответствующим выделением смертоносных излучений), некоторые процессы, используемые в «мирных» реакторах, позволяют производить плутоний, из которого делается ядерное оружие. Как гарантировать, что этот плутоний не будет, скажем, похищен террористами? Но даже если закрыть глаза на возможность злоумышленного похищения радиоактивного материала, рост атомной промышленности поведет к учащающимся перевозкам радиоактивных веществ — перевозкам, которые, несмотря на самые строгие меры предосторожности, невозможно гарантировать от аварий. Даже мелкие аварии и утечки будут, при широком размахе атомной промышленности, постепенно повышать концентрацию радиоактивных веществ в биосфере, с непредсказуемыми последствиями для генетики человека и иных живых существ. С другой стороны, попытки защиты от использования радиоактивных веществ террористами смогут повести к полицейским мерам тоталитарного характера и подорвать гражданские свободы в демократических странах. Полагаться на энергию расщепления

атомного ядра есть «преступление против жизни», кончает главу на эту тему Шумахер.

Отметим от себя, что последние годы общественное движение против внедрения ядерной энергии в экономику страны заметно усилилось в США. В Калифорнии даже поставлен на референдум вопрос — допускать или не допускать строительство дальнейших атомных теплостанций? Одновременно Конгресс, вопреки рекомендации исполнительной власти, значительно изменил приоритет ассигнований на научно-техническую и исследовательскую работу в области энергетики. Ассигнования на дальнейшую работу в области ядерного расщепления урезаны; зато во много раз повышены ассигнования на работу в области добычи энергии солнечной, ветровой и биохимической. Поскольку они зависят от солнечного излучения, все эти три источника энергии являются, по существу, неисчислимыми, хотя их объем, естественно, ограничен. Несколько особняком — как в СССР, так и в США — стоит работа в области ядерного синтеза, задача которой, по существу, — воспроизвести солнечные процессы на земле. Ядерный синтез, в принципе, должен быть свободен от радиоактивных проблем ядерного расщепления, и возможность его

практического использования предвидится в диапазоне 30 — 50 лет. Этой темы Шумахер не касается.

Организация хозяйства

Около четверти своей книги Шумахер посвящает особой проблематике развивающихся стран, их потребности в «производстве массами вместо массового производства». Установка сложной техники в примитивных условиях часто оборачивается «скрытым неокOLONиализмом», так как она остается изолированной от местного хозяйства и не имеет отдачи. В примитивных условиях развитие техники надо начинать с места жительства большинства населения, то есть с деревни, а не с города; производство должно быть из местного сырья и преимущественно для местного потребления; техника производства должна быть сродни технике местных кустарных промыслов и требовать минимальных капиталовложений. Не дополняя импорт «высокой техники» такими мероприятиями, невозможно вывести развивающиеся страны из бедности, невозможно решить проблему безработицы, перенаселения городов и оскудения деревни. «Средняя техника» особенно пригодна при изготовлении строительных ма-

териалов, одежды, домашней утвари, сельскохозяйственных продуктов. Для ее насаждения важен не капитал, а передача знаний, опыта и организационных навыков.

От частных вопросов развивающихся стран автор переходит к общим вопросам организации хозяйства, подчеркивая, что эта организация прежде всего отражает метафизические установки хозяев. «Система современного частного предпринимательства — идеальный инструмент личного обогащения. Она опирается на жадность и зависть, хотя и нейтрализует их частично кейнсовским регулированием, перераспределительным налогообложением и уравнивающей силой профсоюзов». Однако требование непрерывного материального роста делает эту систему неприемлемой для будущего.

Если частное владение средствами производства имеет тенденцию быть направленным на частное обогащение, то государственное владение, в принципе, никакой тенденции не имеет: все зависит от того, каким ценностям служит данное государство. Шумахер отрицает связь между политическим строем и экономической системой: в США уживаются капитализм и демократия, а в Швеции — социализм и демократия. В

гитлеровской Германии уживались тоталитаризм и капитализм, а в Советском Союзе уживаются тоталитаризм и социализм. Дело в целях, а не в форме: если социалисты стремятся всего лишь «переплюнуть капитализм», то им нечего дать миру.

Подход к вопросу о собственности по существу, а не по форме требует прежде всего учета масштабности. «В малых предприятиях частная собственность естественна, плодотворна и справедлива». «В предприятиях средних размеров частная собственность уже в значительной мере функционально излишня... здесь должна осуществляться передача привилегий владения более широкому кругу работников». «В крупнейших предприятиях частное владение есть фикция. Оно не только не справедливо, но и не рационально». Таким образом, Шумахер отстаивает трехступенчатую структуру владения и, ссылаясь на английского социолога Тоуни, обосновывает ее функциональностью собственности: «Права собственности должны сохраняться, когда им сопутствует выполнение услуг, и упраздняться, когда таковые отсутствуют».

Вспомним, что буквально те же принципы функциональной собственности и трехступенчатой структуры владения нашли отражение

в «Схеме НТС» 1942 года. Они подвергались критике, особенно в смысле практической осуществимости средней ступени — общественно-кооперативного владения. Шумахер в какой-то мере отвечает на этот вопрос, подробно описывая структуру английской фирмы «Скотт Бейдер Коммонвелс». Фирма, производящая пластмассу, была основана как единоличное предприятие в 1920 году. Спустя 30 лет предприниматель добился финансового успеха, и его фирма насчитывала 161 работника. Однако он признавал, что своим благосостоянием он обязан не только себе, но и всем своим сотрудникам, а также обществу, в рамках которого он работает. Он поставил себе задачу — перестроить фирму так, чтобы удовлетворить стремление к достоинству и свободе всех участников предприятия, не подрывая в то же время экономической производительности. Он передал владение фирмой коллективу ее работников, которые приняли следующий устав.

1. Фирма должна оставаться предприятием средней величины, чтобы сотрудники-совладельцы знали друг друга лично. Если число ее сотрудников превысит 350 человек, то тогда рост должен осуществляться за счет создания новых фирм, построенных на том же

кооперативном принципе.

2. Самая высокая ставка оплаты труда не должна превышать самую низкую более чем в 1.7 раза.

3. Поскольку работники предприятия — партнеры, а не служащие, никто из них не может быть уволен без серьезного личного проступка.

4. Совет директоров фирмы ответственен перед коллективом сотрудников-совладельцев; этот коллектив выбирает и сменяет директоров и устанавливает их жалование.

5. Прибыль предприятия должна распределяться следующим образом: 20% — премиальные сотрудникам предприятия; 20% — пожертвования на нужды благотворительных учреждений; 60% — резерв для уплаты государственных налогов и для добавочных капиталовложений в производство.

После принятия этого устава в 1951 году сторонники «частного предпринимательства», естественно, предсказывали крах фирмы. Между тем, за последующие 20 лет она увеличила свой валовой доход в восемь раз, достигла предельного размера, основала несколько новых предприятий и увеличила чистый доход в четыре раза, распределив его согласно

уставу. Естественно, что можно найти в Англии частновладельческие предприятия, которые добились больших успехов; дело не в этом, а в том, что, в условиях капиталистической конкуренции, кооператив, ставящий себе некапиталистические цели, оказался вполне жизнеспособным, показав, что демократия и эффективное руководство суть вещи вполне совместимые.

Книга Шумахера обращена к западному читателю и посвящена вопросам реформы западного общества. Но и для русского читателя, занятого поисками «третьего пути», она не должна остаться незамеченной. В своем заключении автор говорит, что мы живем в исключительную эпоху, когда евангельские слова о Царстве Божием, которое надо искать прежде всего, а все остальное приложится, звучат не только как надежда, но и как угроза: если вы не будете искать прежде всего Царствия Божия, то и все иные вещи, которые вам так дороги, отнимутся от вас.

На другой день после смены...

С. КИРСАНОВ

Просматривая российскую свободную прессу за последние годы, мы встречаем немалое число работ, посвященных проблемам экономического устройства, к которому следовало бы стремиться в процессе эволюционных или революционных преобразований у нас на родине.

Большинство авторов этих работ, стремясь создать систему идеальной экономики, мало внимания уделяют вопросам перестройки и зачастую переоценивают свой рецепт, утверждая, что он — единственно приемлемый. В особенности это относится к защитникам идеи владения предприятием коллективом людей, на нем работающих, — усиленно пропагандируемой в последнее время (например, чешский экономист и политический деятель дубчековского периода профессор Ота Шик). «Посев» уделил немало места дискуссии об экономике, в частности, о принципе группового владения*.

Мы будем исходить из положений, нашедших отражение в программе НТС, а также в той или иной форме в произведениях разных авторов**. Эти положения таковы:

- трехсекторное народное хозяйство;
- ответственное предпринимательство;
- направляемое народное хозяйство;
- развитое трудовое и социальное законодательство;
- соучастие работников предприятия в управлении предприятием и в его доходах.

Не будем доказывать, что эти положения идеальны, а рассмотрим их с точки зрения

* В. Белоцерковский — «Миф, который реальность», «Посев» № 1/1974 г.; Я. Шер — «Миф, который перевернет мир», «Посев» № 10/1973 г.; М. Михайлов — «Миф о самоуправлении», «Посев» № 10/1972 г.; В. Ламздорф — «О строе будущего», «Посев» № 2/1974 г.; А. Югов — «А может, хватит переворачивать мир», «Посев» № 3/1974 г.

** Проф. А. Д. Билимович — «Экономический строй освобожденной России», изд. ЦОПЭ, Мюнхен, 1960 г.; Анатолий Байкалов — «Размышления о будущей России»; проф. Г. Гурвич — «Декларация социальных прав», изд. 1946 г. (на франц. языке); Вл. Николаев — «К свободе, праву и справедливости» (О путях переустройства России); проф. Б. Выше-славцев — «Кризис индустриальной культуры», изд. им. Чехова, 1953 г.; С. Малевский-Малевиц — «СССР сегодня и завтра», Париж, 1972 г.

практической: с точки зрения перехода от централизованно планируемой системы партийно-государственной монополии (порочность и низкая эффективность которой доказана как теоретически, так и на долголетней практике СССР и других социалистических стран) к предлагаемой нами системе. К такой системе, которая допускает не только эластичное оптимальное развитие, но и другие варианты (например, групповую собственность).

Неизбежная предпосылка для радикальной перестройки экономики — смена политического строя, ибо от диктатуры компартии существенных реформ ожидать не приходится.

Очевидно, в первую очередь надо будет провести мероприятия, обеспечивающие продолжение производственного процесса, повышение эффективности и стимулирование творческой и предпринимательской инициативы населения.

При этом придется считаться с наследием только что свергнутой коммунистической системы, которую в области экономики характеризуют:

гипертрофированные, созданные в припадке гигантомании предприятия в различных отраслях промышленности;

множество нерентабельных предприятий (из-за неправильной локализации, низкой производительности труда, неучета запросов потребителя и т. п.);

чрезмерно высокий удельный вес военной промышленности;

отсутствие развитой системы оптовой торговли (розничная, хотя и неудовлетворительная, имеется);

доведенное до абсурда централизованное планирование;

псевдокооперативное или артельное производство и нелегальное индивидуальное предпринимательство на низшем уровне;

недоверие весьма широких слоев населения к индивидуальному предпринимательству и личной инициативе вследствие многолетней пропаганды;

особенности отношения к работе на государственных предприятиях (халтура, туфта и т. п.) и к государственному имуществу — хищение как общественно оправдываемое и допустимое действие;

отсутствие достаточно подготовленных людей для ведения крупных свободных предприятий в условиях конкуренции;

отсутствие информации и мания засекречивания*.

При таких условиях наиболее рациональным будет принятие декларации о свободе предпринимательства и торговли. Это даст сильный импульс для деятельности потенциальных предпринимателей. Нынешнее нелегальное и поэтому уродливо деформированное частное предпринимательство (в его личной или артельной форме) превратится в легальное. Тем самым устранятся причины, порождающие нездоровые явления, хищничество и т. п.

При этом как вновь возникающие, так и выходящие из «подполья» предприятия должны удовлетворять определенным требованиям. Некоторые из них таковы:

регистрация в органах городского или районного самоуправления; обязательство соблюдать правила гигиены и безопасности труда, существующего социального законодательства, сохраняющего силу до пересмотра буду-

* В этом, очевидно, неполном изложении мы сознательно обходим сельское хозяйство. Эта область требует специального исследования. См., например, Ю. Чикарлеев — «Свобода землепользования», «Посев» № 6/1971.

щим законодательным органом (отдельные, вносимые местной революционной властью изменения могут быть только в пользу лиц наемного труда); обязательство соблюдать существующие технические и другие нормы в работе предприятия; корректность по отношению к заказчикам (сроки, качество, комплектность и т. д. — как зафиксированные в письменных договорах, так и вытекающие из общих норм или обычного права).

При регистрации артелей должен прилагаться артельный договор или устав артели, регулирующий взаимоотношения участников.

Преобразование современных фиктивных артелей в действительные артели должно происходить на базе:

свободного членства и выхода из артели; переизбрания правления в условиях свободных выборов; представления на регистрацию устава; отказа от вмешательства государства во внутренние дела артели; соблюдения требований, предъявляемых к предприятиям частного сектора.

Естественно, что любое предприятие обязано платить общегосударственные и местные налоги.

Образующиеся независимые предприятия могут объединяться в организации производителей, которые, в частности, должны обладать функцией самоконтроля деятельности своих членов в пределах, установленных уставом такой организации.

Эти мероприятия обеспечат начало преобразования экономики в многосекторную на базе ответственного предпринимательства, а также установления нормальных рыночных отношений.

Отметим отрасли деятельности, по нашему мнению, наиболее подходящие для личного и артельного предпринимательства, способные без больших капиталовложений развить продуктивную деятельность. Это, например:

- ремонтное и строительное дело (постройка относительно несложных сооружений), а также вся сантехника;

- ремонтно-монтажное и электротехническое дело;

- точная механика;

- фотодело, размножение ротаторное, светокопировальное и т. п.;

- мелкие типографии и издательства;

- машинописные бюро;

- чертежные, конструкторские и проектно-технические бюро;

такси легковые и грузовые, местный автобусный парк (с дальнейшим развитием в транспортные конторы);

специализированные курсы (иностраннных языков, чертежные, музыкальные, бухгалтерские и т. п.);

детские сады;

небольшие рестораны, столовые, пансионаты и т. п.;

предприятия пищевой промышленности;

радио- и телевизионные ремонтные мастерские;

авторемонтные мастерские и станции автообслуживания;

ремонт и обслуживание сельхозмашин;

индивидуальное швейное дело;

сапожное дело (пошив и ремонт);

химчистка и механизированные прачечные и т. д.

Эти и последующие примеры — ориентировочные, они лишь указывают на тенденции развития.

Последующие мероприятия должны быть направлены на сохранение и повышение производительности и эффективности существующих предприятий государственного сектора.

Сразу следует отметить, что рекомендация

продажи крупных предприятий в частные руки (как «единоличникам», так и группе работников данного предприятия) несостоятельна по многим причинам. Главнейшие из них: отсутствие в стране необходимых для такой покупки капиталов, даже и при высоком участии государственного банковского кредита; психологическая неприемлемость такого решения для народа в целом. Задача трехсекторного народного хозяйства — изыскание возможностей проявления предпринимательской инициативы и творчества, а не создание в обязательном порядке частнокапиталистических трестов.

Безвозмездная передача предприятий во владение коллективам на них работающих также невозможна:

крупные предприятия в годы коммунистической диктатуры создавались трудом и лишениями всего народа. Безвозмездная передача их группе лиц только потому, что они в данный момент там работают, будет воспринята как нарушение справедливости и как особое благорасположение к данной группе;

большинство предприятий в Советском Союзе по размерам превосходят оптимальные масштабы такой формы владения (основываемся на опыте и теоретическом изучении

группового владения предприятиями в западных странах);

большая часть предприятий убыточна и требует либо государственных субсидий (что превратит групповые владения в фикции), либо покрытия убытков принимающей их группой работников.

Само по себе групповое владение, как показывает опыт (например, Югославии), не исключает возникновения группового эгоизма, хищничества, неограниченной конкуренции, а также социальных противоречий между фактическим руководством и формальными совладельцами (на крупных предприятиях групповая собственность не обеспечивает фактического соучастия в управлении).

Если перейти от предварительных замечаний к определению конструктивных мероприятий переходного периода, то главнейшими из них следует считать:

1. Указ об ответственности за сохранение государственного (общенародного) имущества, которая возлагается на лиц, являющихся распорядителями или управляющими соответствующих предприятий, учреждений, объектов и т. д.

2. Указ о продолжении работы всех хозяйственных предприятий и общественных

учреждений и о выходе на работу всего персонала в соответствии с занимаемой должностью.

3. Создание на государственных предприятиях выборных Трудовых контрольных советов из представителей всех групп работников данного предприятия; непосредственные выборы производятся только на предприятиях с числом работников 200-500 человек. На крупных предприятиях выборы производятся ступенчато, по цехам и отделам, что обеспечивает лучшее знание выборщиками избираемых ими членов Совета. Состав таких Советов не должен быть слишком многочисленным (ориентировочно — от 7 до 15 человек).

В функции Совета входят:

контроль над деятельностью прежней дирекции или управления;

содействие в проведении мероприятий по сохранению и развитию предприятия.

4. Возбуждение в случае необходимости (перед местными органами народно-революционной власти переходного периода) вопроса об отстранении старой дирекции и замене ее новыми людьми и выдвижение авторитетных, квалифицированных и доверенных кандидатов.

5. Создание при местных органах народно-

революционной власти отделов «по общенародному имуществу» (надзор за сохранением и использованием имущества ликвидируемых учреждений: помещений парторганизаций, зданий партшкол и академий, КГБ и т. д. То же в отдельных случаях относится к закрываемым или ликвидируемым «безнадежным» предприятиям).

6. Создание биржи труда для учета, направления на работу и переквалификации высвобождающегося персонала различных учреждений. Здесь главная проблема — трудоустройство таких работников, как бывшие кадровые партийцы, армейский политсостав, сотрудники КГБ, как правило, не имеющих знаний и навыков, необходимых для продуктивной, полезной работы.

7. Указ об основах политики оплаты труда, включающих в себя участие трудящихся в прибылях предприятия. Для многих последнее будет вначале лишь пожеланием. Но это должно послужить стимулом для повышения производительности труда и рационализации производства, а также руководящим моментом в деятельности Трудового контрольного совета предприятия.

8. Указ о ликвидации на предприятиях ненужных и вредных должностей и служб —

парткомов, спецотделов и т. д. Направление высвобождающихся при этом лиц на биржу труда.

9. Профессиональные союзы сохраняются — при условии перевыборов на всех уровнях (начиная от заводских комитетов) и полной добровольности членства в них.

10. Сохраняется социально-трудовое законодательство до его пересмотра будущим парламентом. Допустимы изменения только в пользу лиц наемного труда, инвалидов и пенсионеров; отменяются закрепления трудящихся на предприятиях, — кроме договорных, с фиксацией взаимных обязательств.

11. Местные (городские и поселковые) и региональные (районные и областные) народно-революционные органы контролируют использование природных ресурсов и соблюдение правил охраны окружающей среды. В частности, не занятые под сельхозкультуры земли, лесные и прочие зеленые массивы могут застраиваться или эксплуатироваться для иных целей только с разрешения соответствующего органа управления и на основе договора, фиксирующего обязательства по функциональному их использованию.

Основная форма несельскохозяйственного землепользования — длительная функцио-

нальная (возможно, и наследственная) аренда.

Сельскохозяйственное землепользование регулируется особыми положениями, здесь нами не рассматриваемыми.

12. В области финансов страны первые мероприятия — принятие декларации о сохранении существующих денежных знаков, закрепление цен на ряд продуктов и услуг, блокирование банковских счетов партийных учреждений и органов террора.

В первое время, до развития торгово-рыночных отношений, необходимо сохранить Госплан. Планирование, однако, ограничивается. В каждом предприятии остается определенный объем производственной мощности и производимой продукции для свободного использования. Доля этой свободной производственной мощности с развитием рынка может увеличиваться.

Режим всеобщего засекречивания в промышленности и науке отменяется. Большая часть «секретной» научной и технической информации публикуется. Секретной остается информация, непосредственно касающаяся вопросов безопасности государства.

При Госплане и его местных отделах, а так-

же при научных и других институтах создаются отделы информации о производимых изделиях, поставщиках и т. п., что необходимо для перехода на торгово-рыночные отношения. Сюда же входит информация о спросе на новые изделия, вызванном изменением структуры народного хозяйства. Естественно, что параллельно с этим на самих предприятиях начнется пересмотр программы выпуска изделий, приспособливание к изменению спроса (например, сельхозмашины для личного хозяйства, машины для мелких сторительных фирм).

Всем предприятиям госсектора, учреждениям и ведомствам непроизводственного характера (школы, больницы и т. п.) предоставляется право свободного делового сотрудничества с возникающими личными и артельными предприятиями частного сектора.

Работа баз системы Госснаба перестраивается, — наравне с еще сохраняющимся плановым снабжением, они берут на себя также функции оптового и розничного обеспечения материалами и оборудованием свободной части производства госсектора и других секторов на равных началах. Одновременно стимулируется работа коммунальных и частных организаций.

Особо сложен вопрос военной промышленности, которая в условиях СССР гипертрофирована. Ее кардинальное сокращение — длительный процесс, связанный с развитием международных отношений и сотрудничества. Ограничить же ее до разумных пределов необходимо сразу, используя высвобождающиеся производственные мощности для гражданских целей:

производство тяжелых тракторов, бульдозеров и т. п. на танкостроительных заводах;

изготовление некоторых пластмасс или сельхозудобрений на военно-химических заводах;

эксплуатация оборудования для обработки химической аппаратуры высокого давления на оружейных заводах;

изготовление электроники для гражданских нужд на заводах военной электроники и т. п.

Следует всемерно стимулировать внешний обмен путем расширения информации, а также путем импорта современного оборудования и персональных консультаций. Ликвидация оторванности страны от внешнего мира столь же актуальна, как ликвидация внутренней засекреченности.

Особая проблема — разработка положения

об условиях допущения отделений, филиалов или «главков» иностранных фирм. Это не первоочередная проблема, но правильное ее разрешение, без излишней затяжки, будет способствовать оздоровлению всего народного хозяйства. Конкуренция с этими фирмами даст дополнительный стимул к рационализации производства на предприятиях, доставшихся в наследство от советского периода.

Следующая важная задача — это разгрузка гипертрофированного государственного сектора промышленности.

Некоторые отрасли производства (например, городское энерго- и водоснабжение, транспорт, а также бойни, холодильники и т. п.) должны быть сразу полностью переведены в коммунально-общественный сектор. Это простая, более или менее формальная операция. Передача совершается по балансу, без существенной ломки. Но сразу достигается преимущество — избавление от лишних надстроек, раздутых штатов, фальшивой отчетности, бюрократической неповоротливости.

Второе направление — передача отдельных предприятий общественным уставным корпорациям. Отличие от групповой собственности в данном случае принципиальное. Владель-

цем является корпорация в целом. Отдельные члены не имеют права ни на прибыль или часть ее, ни на долю имущества в случае выхода из корпорации. Функции корпорации (а также распределение ее прибылей) фиксируются уставом, регистрируемым в суде. Фиксируются также и обязательства расчетов за переданное корпорации имущество государственного сектора.

Наиболее подходят для такого решения предприятия, выполняющие не только производственные, но и иные культурные, научно-исследовательские, медицинские, информационные функции. Среди них могут быть, однако, и крупные, чисто производственные предприятия.

Так, издательство художественной литературы может быть передано отделению Союза писателей данной области или края. Уставом при этом фиксируется распределение возможной прибыли:

- фонд участия в прибылях работающих в издательстве по найму;

- фонд помощи больным или престарелым писателям;

- фонд помощи начинающим писателям;

- фонд организации международных встреч;

фонд удешевленных общедоступных изданий;

фонд расчетов с государством за переданные средства.

Другой пример — Всероссийский электротехнический исследовательский и экспериментальный институт (с экспериментальными заводами, мастерскими, издательством и т. д.) передается уставной корпорации — «Объединению инженеров-электротехников». Согласно уставу, работа производится по договорам и заказам как государственных, так и частных учреждений и предприятий; осуществляются также и свободные исследования.

Прибыль распределяется таким образом:

фонд участия в прибылях работающих по найму и участвующих в производственных процессах института и предприятий;

фонд информационных изданий;

фонд организации международных встреч;

фонд свободных исследований отдельных ученых;

фонд расчетов с государством за переданные средства.

Но можно представить себе крупный завод (например, автомобильный или металлургический), который переводится на положение

уставной корпорации с участием государственных центральных и местных (коммунальных) учреждений и общественных организаций. Распределение же свободных средств (прибылей) может быть ориентировочно таким:

фонд охраны природы и заповедников;

фонд выплаты персоналу (его доля прибыли);

фонд помощи ученым или поддержки корпораций культурного или научно-технического типа, аналогичных вышеприведенным;

фонд расширения или модернизации производства.

К аналогичным мероприятиям относится и передача отдельных предприятий в групповую собственность занятого на них персонала. При этом возможны по меньшей мере два варианта.

Первый — превращение предприятия в артель или кооператив, с участием всех или большинства на нем работающих. Уже отмечалось, что вариант годен для сравнительно небольших предприятий с относительно однородным квалифицированным составом работников: таксомоторный парк, небольшие фабрики точной механики, электро- или радиоаппаратуры; строительные конторы; швей-

ные и галантерейные фабрики; предприятия общественного питания и бытового обслуживания и т. п. Отметим, что обобщить это термином «легкая промышленность» трудно, так как в СССР большинство предприятий легкой промышленности — крупные предприятия.

Обязательное условие передачи в групповую собственность — договорная фиксация обязательств принимающего кооператива по расчетам; постепенная компенсация стоимости перенятого предприятия государству как распорядителю общенародной собственности. Возможна и переходная форма, когда предприятие вначале принимается не во владение, а в аренду, с возможностью его выкупа в дальнейшем.

Второй вариант передачи в групповую собственность — превращение крупных государственных предприятий в акционерные общества, как правило смешанные, по меньшей мере, в начальный период. Определенная часть акций резервируется за государственным сектором; часть может переходить во владение общественных или коммунальных организаций; часть акций предназначается для передачи работникам предприятия на льготных условиях (либо как дополнительное премирование — участие в прибылях пред-

приятия, либо в кредит с пониженной — 75-50% — против номинала стоимостью)*.

При этом надо иметь в виду, что данная форма собственности — лишь одна из множества форм владения в сложной структуре многосекторного народного хозяйства, и что отчисления государству обязательно включают погашение кредита, выражающегося в стоимости переданного предприятия.

Отметим также возможность разгрузки централизованного государственного сектора путем выделения в самостоятельные предприятия некоторых специализированных отделов, цехов и т. д. Выделяемое предприятие обязуется при этом обеспечивать на хозрасчетной основе нужды материнского предприятия в объеме ранее выполнявшихся функций. Остаточную производственную мощность использует оно по своему усмотрению. Часто может оказаться, что завод-гигант или комбинат невозможно перевести в общественную или групповую собственность, однако выделившиеся отделы для этой цели вполне пригодны.

* Более детальный анализ этой проблемы дан в ст. Ю. Чикарлеева «Организация самоуправления предприятий», «Посев» № 7/1974.

Реализация перечисленных мероприятий потребует определенного времени, которое будет зависеть от общего положения в стране. Чем быстрее произойдет смена режима в стране, тем благополучней будут условия для быстрого осуществления реформ.

В заключение следует отметить, что задача преобразования экономики Советского Союза из планово-социалистической в многосекторную с рыночными отношениями беспрецедентна как по характеру, так и по объему. Наша работа — лишь наметка направлений, требующих детальной разработки.

Безработица и производительность труда в СССР

А. БЕРЕЗКИН

Официальная советская статистика никогда не публикует данных о количестве безработных в стране. Громогласно трубят, что с ней покончено окончательно и бесповоротно еще в 1917 году, в результате победы Великой Октябрьской Социалистической революции. Однако эти хвалебные заявления очень далеки от истины. Ежегодно миллионы людей в нашей стране не работают, теряют недели и месяцы в поисках другого места работы, будучи уволенными «в связи с сокращением штатов» или, если предпочтут, «по собственному желанию». А ведь ни бирж труда*, ни пособий по безработице у нас нет. Трудящийся должен найти себе занятие самостоятельно, расходуя собственные сбережения. Обычно долго искать работу у него нет материальной возможности, и он поэтому не-

редко хватается за первое подвернувшееся ему место, тем более, что далеко не уверен, что можно без «блата» или взятки получить желаемую работу. В результате, миллионы людей чувствуют себя на работе как бы временными и при первой возможности увольняются уже действительно «по собственному желанию», тем самым увеличивая «текучесть рабочей силы».

Особенно тяжело приходится трудящимся в малых городах, небольших населенных пунктах, вдали от крупных промышленных центров. А попасть на работу из провинции в большой промышленный центр очень трудно: там нет свободной жилплощади и, как правило, запрещена прописка (приезжающим без ведомственного «перевода»).

Например, очень много безработных в западных областях Украины — Житомирской,

* В последние годы в больших городах созданы так называемые Управления по трудоустройству, но рабочие услугами этих «организаций» не хотят пользоваться, так как если встать там на учет, вас обязательно «запихнут» на такую работу, на которую никто не хочет идти. А отказаться нельзя — обвинят в тунеядстве. Их поле деятельности — подыскание занятий лицам, трудоустраиваемым насильно, в административном порядке.

Ровенской, Волынской, Львовской, Ивано-Франковской, Закарпатской. Области эти очень бедны полезными ископаемыми, промышленность там, особенно тяжелая, развита слабо, а предприятия, работающие в сфере народного потребления и обслуживания, нетрудоемки и не могут обеспечить достаточного количества рабочих мест.

Еще хуже положение жителей сельских местностей. В последние годы стало нормальным явлением, что сельские жители западных областей Украины едут на заработки в колхозы Днепропетровской, Харьковской, Донецкой областей, где на селе острая нехватка рабочей силы, так как из-за нищенской оплаты труда колхозники бегут в города. Чтобы прокормить семью, эти приезжие «батраки», главным образом женщины, батрачат там весь сезон по 12-14 часов в сутки.

Вся сахарная промышленность Украины работает по принципу «тандема», то есть сахарный завод и свеклосеющий совхоз составляют одно производственное целое, — чтобы занять своих рабочих, высвобождающихся после окончания сельскохозяйственного сезона. По условиям технологии, сахарные заводы работают только 3,5-4 месяца в году. Остальные 7-8 месяцев часть людей привле-

кается на капитальный ремонт зданий и оборудования. Им платят за такие работы копейки. Но они и этому рады, так как даже такой работой обеспечены далеко не все.

Очень трудно женщинам. Даже в таких индустриальных областях, как Донбасс, Харьковщина и Днепропетровщина, для женщин не хватает рабочих мест. Многочисленные проекты строительства в этих областях предприятий легкой и пищевой промышленности и бытового обслуживания часто оказываются нереализованными из-за отсутствия средств и необходимого оборудования. А ведь известно, что в большинстве семей у нас на родине женщина не может не работать, так как зарплаты главы семьи не хватает.

Наличие огромного резерва избыточной рабочей силы очень часто приводит к неэффективному использованию технологического и вспомогательного оборудования промышленных предприятий.

Так, в 1964-1966 годах в районе станции Узловая (Тульская область) был построен дрожжевой завод по шведской лицензии и при непосредственном участии в строительстве и наладке шведских специалистов. Проект этот был по тем временам очень эффективным и экономичным. Еще и сегодня это

предприятие — самое передовое в стране по своей отрасли. Выход дрожжей из мелассы (патоки — отходов сахарной свеклы) достигает на нем 92-95⁰%, в то время как другие предприятия, работающие на импортном оборудовании, используют только 70-75⁰% сырья. На подобном предприятии в Швеции раньше работало 35-40 человек рабочих и ИТР. У нас же на нем уже проектом предусматривалось 150-170 рабочих и ИТР. Такой «эффект» достигался за счет полнейшего игнорирования автоматизации и механизации трудоемких процессов, а также вспомогательных работ. Например, из-за отсутствия картона наши заводы работают на деревянной таре, что влечет за собой необходимость предусмотреть деревообделочников и сбивщиков тары. Кроме того возникла необходимость предусмотреть в проекте бригады грузчиков, кладовщиков для отгрузки продукции на автомашины, шоферов для перевозки готовой продукции из цеха в холодильные камеры и т. д. А также расширить холодильные камеры за счет других помещений для накапливания продукции в случае отсутствия своевременного вывоза и за счет дополнительной емкости мелассохранилищ для заготовки сырья.

Несмотря на четырехкратное увеличение

числа рабочих (по сравнению с первоначальным шведским проектом), которое в условиях нормальной капиталистической экономики сделало бы предприятие полностью нерентабельным и абсолютно неконкурентоспособным, местный райком партии, учитывая наличие в районе стройки большого количества безработных, предложил дирекции завода удвоить число предусмотренных проектом рабочих и ходатайствовал в Министерстве пищевой промышленности РСФСР о представлении заводу «соответствующих показателей» по труду.

Аналогично и положение на дрожжевых заводах, построенных у нас позднее. Не используются мощности по производству картонной тары, отсутствуют запчасти к импортному оборудованию, что вызывает частые простои на механизированных процессах и работу вручную вместо использования машин. Как правило, недокомплектовываются механические мастерские, что влияет на качество и своевременность ремонтов оборудования. Трудности и неразбериха в снабжении и сбыте готовой продукции приводят к увеличению штатов снабженцев, шоферов, грузчиков, толкачей. Дефицитные детали и даже недостающие единицы оборудования, а так-

же материалы добываются с помощью «блата» и взятки (разумеется, не из собственного кармана).

В то время как на современном советском типовом дрожжевом заводе, спроектированном по старому шведскому образцу и изготовляющем 6 тысяч тонн дрожжей в год, работало в среднем от 190 до 210 человек (а то и в два раза больше, как, скажем, на станции Узловая), в капиталистической Швеции были закрыты три подобных предприятия и построен один завод мощностью в 24 тысячи тонн дрожжей в год, на котором работают... 11-15 человек, включая административный персонал. И этот завод полностью удовлетворяет потребность государства.

Вот такой поистине сомнительной поступью идет технический прогресс по нашей необъятной стране. Само собой разумеется, подобное происходит не только в пищевой и легкой промышленности, но и на других предприятиях, в других отраслях промышленности Советского Союза. Примеры мною приводятся из практики строительства и работы предприятий пищевой промышленности потому, что эта отрасль знакома мне лучше всего.

Если, в конечном итоге, отбросить всю словесную шелуху лозунгов с хвастовством о достижениях и сравнениями с уровнем России 1913 года, то можно выделить несколько показателей, по которым легко сделать объективные выводы о состоянии нашего промышленного производства. Производительность труда — самый важный и наглядный показатель эффективности экономики для всех стран, независимо от системы. Решающее значение имеет он и в Советском Союзе, вопреки выдуманному партийными пропагандистами каким-то особым моделям «социалистической экономики», основанной якобы не на наживе, а на «плановом начале» и «высокой сознательности» трудящихся.

Азбука безработицы

А. ФЕДОСЕЕВ

1. От стального пера к шариковой ручке

Люди моего возраста помнят, как они писали стальным пером и ставили кляксы, приводившие их труд в негодность.

Сейчас даже в школах пользуются шариковыми ручками. Клякс не может быть, и писать очень удобно во всех условиях и, по крайней мере, в два раза быстрее.

Едва ли кто-нибудь захотел бы снова пользоваться стальным пером или, тем более, гусиным; ведь в начале XIX века и стальных перьев не было. И едва ли кто-нибудь будет сомневаться в желательности и целесообразности этого прогресса, происходящего непрерывно с тех пор, как на Земле появился человек.

Однако этот прогресс, как и любое другое явление в человеческой истории, не единственный результат творческого воображения и изобретательности человека. Кроме чистой техники, этот прогресс требует от человека решения и тесно связанных с ним социаль-

ных вопросов, о которых сам изобретатель стального пера или шариковой ручки не только мог не думать, но даже и не должен был думать, а то он, пожалуй, и не стал бы изобретать. Действительно, для того чтобы перейти от стального пера к шариковой ручке, нужно было не только выбросить на свалку прежние машины и создать и поставить на их место новые. Нужно было и перестроить по-новому или построить заново здание. Нужно было найти источники новых материалов и т. д. Самое же главное, все работники (не только рабочие, но и все остальные) должны были переучиваться и приобретать новые, неизвестные им ранее профессии. Могло быть и так, что то или иное предприятие, производившее стальные перья, не имело необходимых средств и умения для перехода на производство шариковых ручек. Поскольку стальные перья больше не были нужны никому, предприятие просто закрывалось. Это значит, что его работники оказывались без работы и должны были искать ее в другом, иногда отдаленном месте.

2. Социальные последствия перехода от стального пера к шариковой ручке

Таким образом, переход к шариковой ручке неизбежно вызвал:

а. Необходимость вложения труда в создание новых материалов, новых инструментов и машин, новых процессов, новых зданий. Эти вложения называются капитальными вложениями и они окупаются потреблением шариковых ручек только через много лет.

б. Появление безработных.

в. Необходимость переквалификации или даже приобретения новой профессии для людей, ранее производивших стальные перья. Эта переквалификация, естественно, требовала тоже определенных средств для ее осуществления.

г. Необходимость переезда людей, ставших безработными, из места, где была их фабрика стальных перьев, в новое место, где есть подходящая работа.

3. Хорошие и дешевые часы и последствия их дешевизны

Перейдем к другому факту. Для того, чтобы приобрести сейчас, скажем, ручные часы,

вам нужно отработать на своем месте работы примерно 5-10 часов. 50 лет тому назад это потребовало бы от вас 15-50 часов работы. Конечно, это явление относится вообще ко всем продуктам широкого потребления, в том числе к насущно необходимым.

Едва ли найдется человек, который предпочтет приобретать такие же или даже худшие часы ценой более высоких затрат своего труда, как это было 50 лет тому назад. Таким образом, и этот вид прогресса для нас целесообразен и желателен.

Однако и он требует не только творческого воображения и изобретательности от людей, его осуществляющих, но и решения аналогичных социальных проблем:

а. Вложения капитальных затрат в создание новых, более производительных машин, процессов, организации, новых материалов, новых зданий.

б. Появления безработицы в результате уменьшения числа работников, производящих то же или большее количество часов. Ведь именно тот факт, что меньшее число работников производит то же или большее количество часов, позволяет нам самим рабо-

тать значительно меньше, чтобы заработать на часы. Если бы, несмотря на новые машины, процессы и организацию, оставить всех прежних работников на месте, то, во-первых, многим из них было бы нечего делать, а во-вторых, вам для приобретения тех же часов пришлось бы работать не меньше, а даже больше: ведь затраты на новые машины и процессы откуда-то должны были быть получены. Конечно, покажется бессмысленным в таких условиях делать эти затраты. Однако в Англии я обнаружил нередкие случаи, когда самоотверженные (иначе трудно называть) предприниматели идут на эти затраты для удешевления наших часов, надеясь что рано или поздно им все же удастся сократить число работников.

в. Необходимости переезда работников в другие места из-за отсутствия работы на прежнем месте.

г. Необходимости переквалификации работников с соответствующими затратами на переобучение в результате применения новых, более производительных машин и процессов.

4. Улучшение здоровья, рост долголетия людей и социальные последствия

Успехи творческого воображения и изобретательности людей привели к резкому сокращению детской смертности, к резкому росту продолжительности жизни и к улучшению среднего здоровья людей. Однако, как мы хорошо знаем, и это весьма положительное явление связано с определенными проблемами. Во-первых, растет число молодых людей, требующих работы и увеличивающих безработицу. Нужно тратить средства на их обучение профессиям и переезд к местам работы. Во-вторых, растет число стариков, нуждающихся в пенсии.

Таким образом, хотим мы этого или не хотим, но вместе с улучшением здоровья и долголетием, мы вынуждены позаботиться еще и об увеличении производительности труда, чтобы один работающий мог обеспечивать все большее и большее число неработающего населения. В Англии в 1970 году число людей, достигших 65 лет (пенсионеров) составило 31% от числа работников. Вместе со школьниками они составили 76% от числа работников. В шестидесятих годах в Уруг-

вае, в результате необдуманных излишеств в программе социального обеспечения, число пенсионеров достигло 400 000 человек при числе работников всего 1 миллион, то есть 40%. При этом на каждого работающего приходилось по два человека неработающих.

Таким образом, развитие человечества неизбежно приводит к:

а. Необходимости все больших по абсолютной величине капитальных вложений.

б. К безработице.

в. К необходимости все время переучиваться.

г. К необходимости все время переезжать к новым местам работы.

Если вы решите, что «с вас довольно» и вы не хотите указанных выше последствий развития человечества, то вы должны отказаться от всякой надежды на улучшение материального и духовного (тоже само с неба не валится) благополучия и даже вашего здоровья, если оно пошатнулось. Вам неизбежно придется ограничить размеры вашей семьи в смысле числа детей. Весьма сомнительно, чтобы вы на это сознательно пошли. К сожалению (или к счастью), одного вашего решения мало. Нужно решение всех и, в том

числе, молодых, полных здоровья и энергии людей.

Любопытно, что все эти последствия прогресса человечества совершенно не зависят от того, в каком государстве мы живем — коммунистическом, социалистическом, фашистском, демократическом или диктаторском. Во всех случаях рассматриваемые нами процессы имеют место и приводят к тем же самым социальным проблемам. Единственное, что может государство (в какой-то степени), это затормозить прогресс вплоть до его развития в обратную сторону.

Если иметь в виду прогресс именно жизни, а не военной мощи, то, скажем, СССР развивается, видимо, в обратную сторону. По соотношению зарплат и цен в СССР и в царской России оказывается, что уровень жизни в СССР в среднем составляет не более 50% от дореволюционного уровня. В Англии, наоборот, уровень жизни от примерно одинакового с царской Россией в 1914 году поднялся к 1968 году в 2,7 раза.

Любопытно, что в СССР это обратное развитие не устранило необходимости решения указанных нами социальных проблем. Безработица (не учитывая скрытой) в РСФСР в

1967 году (в остальных республиках явно не меньше) составила по секретному обследованию 13,4%, и 40% этих безработных с отчаяния были согласны на любую работу.

Таким образом, государство не только может затормозить прогресс жизни, но и не иметь от этого никаких выгод.

5. Разрешение социальных проблем прогресса и «эксплуатация»

Попытаемся теперь рассмотреть, как наши четыре главных вопроса могли бы решаться без отказа от желаемого нами прогресса.

До сих пор мы говорили о капитальных вложениях для перехода от стального пера к шариковой ручке и о тех капитальных (дополнительных) вложениях, которые позволяют нам за одно и то же количество собственного труда приобретать больше материальных вещей и получать больший доступ в широкий мир духовной культуры. Мы установили, что кроме желаемого нами результата происходит также и рост безработицы. Совершенно очевидно, что нужно создавать новые рабочие места, т. е. новые производства для того, чтобы указанным выше безработным обеспечить полезную работу. Нужен,

следовательно, рост промышленности, а для этого новые капитальные вложения. Однако и этого может быть мало. Мы установили, что нужно обеспечить переквалификацию людей и их переезд на новые места работы. Это обеспечение, в свою очередь, требует еще капитальных вложений в профессиональное обучение, создание резерва жилищ и средства, необходимые для переезда людей.

Следовательно, должно быть, четыре сорта капитальных вложений: два для осуществления прогресса и два для преодоления последствий прогресса. Ясно, что эти средства с неба не свалятся. Мы же, то есть население, и должны вложить свой труд, чтобы создать необходимые капитальные вложения. Если мы этого не сделаем, не будет желаемого нами прогресса и наступит безработица (и инфляция).

Примем всю совокупность труда, вкладываемого населением в производство вещей и услуг, за 100%. Для обеспечения указанных выше капитальных вложений, очевидно, не

все 100% должны к нам вернуться в виде нужных нам вещей и услуг. Остальное и будет истрачено на капитальные вложения. Кстати, не только эти четыре вида капитальных затрат должны быть нам недоданы. Необходимо отнять в виде налогов или (как в странах национального планирования) в виде пониженной зарплаты то, что должно обеспечить пенсию пенсионерам, лечение больным, содержание калекам, не говоря уже о содержании государственного аппарата и обеспечения других нужд общества в целом. Вся эта недодача в целом тенденциозно и неправильно обозвана Марксом прибавочной стоимостью и сутью эксплуатации. Правильно было бы назвать эти недодачи стоимостью содержания общества и поддержания его развития. Эти недодачи никак не являются эксплуатацией, так как в том или ином виде, в то или другое время все они служат благу тех же работников и их семей. Это положение является прямым следствием разделения и специализации труда, без которых нам пришлось бы страдать от сверхтяжелого труда и довольствоваться очень малым. В натуральном хозяйстве, когда каждый человек потребляет только то, что он сам производит, все эти «недодачи» отсутствуют: нет налогов,

нет капитальных вложений. Впрочем, капитальные вложения и в этом случае приходится делать для улучшения своих результатов, а также содержать своих нетрудоспособных, но уже только в индивидуальном, а не в общественном порядке. По свидетельству многих смельчаков, пытающихся освободиться от общества и прогресса, им приходится трудиться от 5 утра до часа ночи, жить в голоде и холоде и за многим все же идти на поклон к обществу. В официальной статистике СССР, естественно, нет сведений о том, какая часть указанных нами 100% не возвращается населению. По косвенным данным, можно лишь грубо и умеренно оценить недодачу в 60-70%, если не больше. Однако в СССР даже такая огромная недодача не приводит к прогрессу жизни и к отсутствию безработицы. Причиной является, конечно, очень низкая экономическая эффективность национальнопланируемого хозяйства (в странах социализма) и колоссальные затраты на прогресс, но не жизни, а военной мощи.

В доступной мне статистике стран Запада тоже нет прямых сведений об указанных выше недодачах. Как бы то ни было, эта цифра недодачи в странах Запада явно значительно меньше, чем в СССР и, главное, дает гораздо

лучший результат в смысле величины безработицы. Этим результатом на Западе, естественно, недовольны, однако, скажем, в Японии безработица практически равна нулю. В «страдающей» Англии она около 5%. В США около 8%. (В СССР, напомним, 13,4%.) Очень важным фактором на Западе в неблагоприятных (по мнению населения Запада) цифрах безработицы является отсутствие достаточно разработанной системы обеспечения переобучения и переезда работников, а также обеспечения их на новом месте жилищем.

Немаловажное значение играет и психологическое нежелание значительной части работников переучиваться и переезжать, — подогреваемое профсоюзными монополиями и усугубляемое недостаточностью указанной выше системы.

Это приводит к тому, что наряду с 5% безработных, в Англии существует весьма значительный дефицит по многим профессиям.

Однако важнейший фактор безработицы в Англии и в США — это, конечно, недостаточная цифра указанных нами капитальных вложений (недодач). Везде недостаток капитальных вложений у экономистов не сходит с языка. В Японии, однако, эта цифра доста-

точно, безработицы нет, и экономисты, если и заботятся о капитальных вложениях, то по другим причинам. По оценке самих английских профсоюзных монополий (TUC), для снижения безработицы с 5% до 2% к 1978 году нужно, чтобы промышленность за два года выросла на 14,7%, что требует таких капитальных вложений, какие никак не могут быть сделаны из-за слишком низкой нормы прибыли в Англии.

Если в СССР объем капитальных вложений — лишь вопрос приоритетов (если не говорить об их эффективности, что не в воле национального плана), то в Англии это определяется, в основном, соотношением мощи профсоюзных монополий, призванных выжимать зарплату и уменьшать прибыль, и мощью капиталистов, призванных делать эти вложения, выжимая прибыль.

По свидетельству экономистов Лондонской Школы экономики, с 1960 по 1974 годы в Англии возврат на вложенный капитал непрерывно снижался и в 1974 году стал близким к нулю. Естественно, это не способствует капитальным вложениям. Немаловажное значение для желания людей вкладывать в промышленность играет и атмосфера политиче-

ской (и, следовательно, экономической) неопределенности в Англии: «То ли национализируют, то ли нет? Повысят налоги или нет?»

Что касается государственных вложений в промышленность, то они чрезвычайно неэффективны, так как определяются, как правило, не экономическими, а политическими соображениями (как в СССР).

6. Фундаментальная экономическая характеристика, определяющая возможность или невозможность прогресса без вредных последствий

Так или иначе, в обстановке борьбы между экономическими гигантами (государство, профсоюзы и капиталисты) состояние баланса сил прямо отражается в соотношении: совокупность зарплат к совокупности прибылей после налога. Это соотношение является фундаментальной экономической характеристикой, определяющей и прогресс и отсутствие или присутствие его вредных последствий. Если сумму совокупностей зарплат и совокупностей прибылей («недодач») после налога считать за 100%, то при 60% на зарплаты и 40% («недодачи») на прибыли (в СССР 30% и 70%) в стране будет много средств для капитальных вложений, и можно определенно

сказать, что безработицы не будет (к СССР это, по уже известным причинам, не относится). Это и есть случай Японии, где именно такое соотношение и имеет место. В США это соотношение — примерно 80% зарплаты и 20% прибыли — дает 8% безработицы. В Англии это соотношение 90% и 10%. Поэтому в Англии огромная скрытая безработица (до 30%) и 5% безработицы полной (открытой).

Я привел средние цифры по некоторым странам. Посмотрим теперь, как обстоит дело у некоторых крупных капиталистических монополий, которые имеют силу сопротивляться мощи профсоюзных монополий.

Вот колоссальная нефтяная монополия Шелл:

	фунтов ст.
1. Выручка от продажи товаров (бензин, газ, химикалии)	17 749 млн.
2. Издержки производства (зарплата, стоимость материалов и т. д. К со- жалению, отдельной цифры зар- платы нет)	10 496 млн.
3. Государственные налоги	6 092 млн.
4. Прибыль	1 161 млн.

При цене одного галлона (4,5 литра) бензина 70 пенсов прибыль соответствует 1,38 пенсам. Следует обратить внимание, что госу-

дарственный налог соответствует 7,2 пенса, т. е. в 5 раз больше, чем прибыль.

Посмотрим, куда уходит эта прибыль? 870 млн. ф. ст. или 75% идет на те самые капитальные вложения, о которых мы говорили. Остальные 291 млн. ф. ст. идет на выплату процентов (дивидендов) по миллионам акций, владельцами которых являются сотни тысяч обычных людей. Эти 291 млн. ф. ст. дивидендов соответствуют в стоимости бензина 0,35 пенса или 0,5% (государственные налоги, как мы видели, составляют в стоимости бензина 10,3%, т. е. в 20 раз больше).

Не кажется ли вам удивительным, что так много в нашей жизни зависит от столь малого, как 0,5% цены галлона бензина? Если эту «бесполезную» часть прибыли ликвидировать, то цена бензина упадет до 69,65 пенсов... Но все вкладчики заберут свои вклады, Шелл разорится, бензин исчезнет, и очень многие станут безработными.

А вот знаменитая и «очень успешная» английская корпорация ICI (Империал Кемикал Индастриз) за 9 месяцев 1975 года:

1. Выручка от продаж	2 279 млн. ф. ст.
2. Издержки производства	2 071 млн. ф. ст.
3. Государственные налоги	65 млн. ф. ст.
4. Прибыль	143 млн. ф. ст.

Из 143 млн. ф. ст. прибыли 99 млн., т. е. 70% идет на капитальные вложения. Хуже, чем у Шелла (75%) потому, что у ICI мощь противостояния профсоюзам меньше, а вкладчикам по акциям платить нужно, а то не станут вкладывать и наступит банкротство. (Кстати, то, что получают вкладчики, государство во второй раз обложит налогом уже на самих вкладчиков.) Поэтому 600 000 владельцам акций выплачено 30% прибыли или 44 млн. ф. ст., то есть, в среднем, по 73 ф. ст. То, что выплачено в качестве дивидендов, составляет в цене товаров всего 1,9%.

Легко видеть, что государство и профсоюзные монополии «хорошо потрудились», чтобы дожать источник необходимых нам капитальных вложений («недодач») до недопустимо голодного минимума.

Легко также видеть, что, если дать английским профсоюзным монополиям полную волю, они несомненно также «завернули» бы прогресс в обратную сторону:

1. Они против введения новых, более производительных машин, процессов и организации, так как это ведет к появлению ненужных более работников.

2. Они против увольнения ненужных работников, то есть за скрытую и очень дорогую для населения безработицу (ведь платить-то за нее все равно приходится населению).

3. Они против необходимости переобучения людей. По их мнению, надо обходиться без этого.

4. Они против необходимости переезда людей. То же самое — надо обходиться без этого.

5. Они против капитальных вложений, так как они против прибыли. Вместо этого они хотят увеличения зарплаты, то есть съедания будущего страны.

Конечно, все это происходит под флагом борьбы за благо людей и за прогресс. И профсоюзные монополии успешно промывают мозги населению для того, чтобы показать будто они ведут к прогрессу, а не наоборот.

Если бы профсоюзные монополии и государство допустили при согласии населения соотношение 70% на зарплату и 30% на прибыли (в СССР 30% и 70%), то в Англии не было бы безработицы (и инфляции тоже). Сейчас же англичане при всей их относительной (на Западе) бедности «съедают» свое будущее с помощью зарплаты, не соответствующей производительности труда, почти ни-

чего не оставляя для обеспечения улучшения завтрашней жизни. Поэтому они бедны и будут еще беднее, если не разберутся, куда их завели профсоюзы и государство и не переборуют нынешнюю политическую линию государства и профсоюзов.

Что касается СССР, то для ликвидации его безработицы есть только один рецепт: ликвидировать национальное планирование, а значит, диктатуру.

1976

Оглядываясь на съезд партократов

А. АВТОРХАНОВ

ГЛАВЫ 2. и 3.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ СТАТЬИ.

2. РАКЕТЫ ВМЕСТО ХЛЕБА

Несмотря на всю призрачную внешнюю гармонию, режим Брежнева полон внутренних противоречий между кастовыми интересами трех столпов, на которых он стоит, то есть между партаппаратом, политической полицией и армией, с одной стороны, и между властными интересами режима в целом и материальными интересами народа, с другой.

Сформулированные вкратце кастовые противоречия таковы: став после свержения Хрущева равноправными соучастниками «треугольника» верховной власти, полиция ста-

рается еще больше расширить свою власть, иначе говоря, восстановить свой старый сталинский статус, когда она находилась вне контроля партаппарата. А армия, сыгравшая ведущую роль в свержении того же Хрущева, требует всё большего и большего поглощения военной машиной доли национального продукта. Партаппарат же не может, не совершив самоубийства, ни выпустить политическую полицию из-под своего контроля, ни бесконечно уступать военным.

Противоречия между режимом и народом уже другого порядка: это — социальные противоречия, вытекающие из самой структуры советского общества. Они — противоречия между новоклассовой советской буржуазией в лице многомиллионной партийно-государственной бюрократии и трудящимися производительными классами, борющимися за справедливое распределение доходов национальной продукции страны. Если Ленин, от имени которого КПСС сегодня действует, писал, что ни один высший чиновник в Советской России не будет получать вознаграждение больше, чем заработок среднего рабочего («Апрельские тезисы» 1917 г., «Государство и революция» 1918 г.), то почти через 60 лет после

революции дистанция между доходами руководящего бюрократа и среднего рабочего так велика, что ЦК хранит строжайшую тайну о данных на этот счет.

Но нынешний советский человек живет «не хлебом единым». Он уже не дореволюционный малограмотный или даже неграмотный труженик. Великая индустриальная революция, хотя и ценой бесчисленных жертв, всё же перепахала старую мужицкую Русь, а вызванная ею культурная революция радикально изменила общее лицо народа. СССР стал страной сплошной грамотности и многомиллионной интеллигенции с неистребимой жаждой приобщиться к научно-техническим, а главное — к духовным и гуманистическим достижениям мира, к западной цивилизации. Возрастающее давление этого интеллектуального слоя советского общества составляет другой вид противоречий между властью и народом. Последнего противоречия власть больше всего и опасается, ибо она не без основания считает, что ферменты разложения существующей системы рекрутируются из среды интеллектуалов, яркими представителями которых и явились в 60-х годах представители Демократического движения и Движения за права человека.

Конечно, партия приняла участие в спонтанном процессе общенародной культурной революции, но она не создала, вопреки ее стараниям, ни новой коммунистической культуры, ни новых духовных ценностей, ни советского народа как новой национально-социальной общности. Все нации страны, а их больше ста, несмотря на всю антинациональную вивисекцию партийных идеологов за эти шесть десятилетий, удивительным образом сохранили свою этническую аутентичность в абсолютной неприкосновенности. Тем самым обанкротилась как утопия Ленина о слиянии всех наций, так и русификаторская практика великодержавных коммунистических ассимиляторов. Таково четвертое противоречие — противоречие между советским идеократическим колониальным режимом нового типа и угнетенными народами, ярким проявлением которого и явились национальные движения украинцев, евреев, крымских татар, прибалтийских народов, националистов Армении.

Таковы структурные, органические противоречия, заложенные в характере самой системы, ослабление, а тем более ликвидация которой невозможны иначе, как коренным изменением природы режима.

Но есть в советской системе также ф у н к ц и о н а л ь н ы е противоречия, которые можно было бы ликвидировать изменением направления общей политики и пересмотром приоритетов политики экономической. К этой категории противоречий я отношу:

1) бич и душитель хозяйственного самотворчества народа — сталинский Госплан и всю его безмозглую бюрократию;

2) антинародную доктрину Сталина о приоритете интересов власти перед интересами человека, выраженную в известной формуле: «преобладающее развитие тяжелой промышленности перед легкой промышленностью»;

3) нежелание отказаться от окончательно обанкротившейся колхозной системы, являющейся причиной деградации сельского хозяйства;

4) беспримерную в истории России, невозможную при парламентской демократии и при наличии свободной печати в с е о б щ у ю к о р р у п ц и ю аппарата власти: наверху как узаконенные привилегии «нового класса», внизу в виде присвоения государственной собственности, взяточничества, подкупа, продажности бюрократов при их полной круговой поруке.

Доклад Брежнева полон казенного оптимизма: как велики наши успехи, какой хороший у нас народ, какая славная наша партия, какие мудрые ее секретари! В то же время поражает отсутствие открытой постановки острейших проблем, которыми живет страна. Это, однако, не значит, что острые проблемы руководству неизвестны и они его не тревожат. Сам же Брежнев заметил: «Да, мы знаем, что не все проблемы еще решены... лучше всех наших критиков знаем мы свои недостатки, видим трудности» («Правда», 25. 2. 76, стр. 9). Но о них Брежнев говорит шифром партийного жаргона, предлагая те же самые старые паллиативные меры, которые уже тысячу раз испробованы без того, чтобы изменилась общая ситуация.

Экономическую эффективность и социальную справедливость каждого строя, независимо от того, как он сам себя называет, — «капитализмом», «социализмом», «национал-социализмом» или иначе, — надо мерить по тому, насколько высок стандарт материальной жизни его жителей и как широк диапазон их гражданских прав и духовных свобод. Доклад Брежнева по существу был отчетом советского социализма почти за 60 лет его абсолютного господства в политике и эконо-

мике. Какие же результаты? По производству некоторых видов стратегического сырья и по качеству и количеству военной индустрии СССР вышел на первое место в мире, а по количеству и качеству гражданской индустрии далеко отстает от Запада. Зарплата не перешагнула еще за сталинский «железный максимум». Брежнев обещал повысить эту зарплату в 1980 году на 16-18 процентов, то есть максимум до 170 руб. Но фактически реальная зарплата останется на нынешнем уровне, ибо, как подсчитали специалисты, в СССР существует скрытая инфляция не менее 5⁰%, а на колхозном рынке продукты продаются на 60⁰% дороже государственных цен.

Вопреки всем известным фактам, оказывается, расцветает и советское сельское хозяйство: «Сельское хозяйство продолжало наращивать производство... Возросло производство мяса, молока и других продуктов животноводства» (стр. 5). Между тем в СССР не хватает ни мяса, ни хлеба, которые приходится закупать на Западе.

В прошлой, девятой пятилетке Кремль вынужден был объявить приоритет развития легкой промышленности перед тяжелой. Но десятая («юбилейная») пятилетка вернулась к сталинскому курсу — к преимущественно-

му развитию тяжелой промышленности. Вот данные Косыгина: прирост продукции за 1976-1980 гг. составит по группе «А» (тяжелая промышленность) 38-42%; по группе «Б» (легкая промышленность) — 30-32%. Почему же партия отказывается от продолжения курса по поднятию стандарта жизни народа? Потому что между хлебом и ракетами существует прямая связь (недаром в СССР говорят: «Мы запустили спутник и сельское хозяйство»). Невозможно то и другое иметь одновременно, если ты себе ставишь целью подготовиться не к обороне, а к наступательной войне, да еще финансировать «мировой революционный процесс». Чтобы показать эту связь, приведем новейшие данные о советском вооружении, установленные западными военными специалистами. По этим данным, Советский Союз тратит на военные нужды на 40% больше средств, чем США. Советские военные расходы в 1975 г. составили 114 миллиардов долларов против 80 для американских расходов («Зюддойче цайтунг», 2. 3. 1976). Особенно резко начался рост военных расходов СССР как раз в период правления Брежнева: за эти 12 лет они выросли на 35%, а советскую армию, которую Хрущев хотел уменьшить, увеличили еще боль-

ше — она составляет сегодня без внутренних войск МВД и пограничных войск КГБ 4,4 миллиона против 3,4 миллиона при Хрущеве. (В то же самое время США сократили свою армию на 1½ млн. человек, которая составляет теперь 2 млн. чел.). Количество межконтинентальных ракет выросло с 224 до 1600. Заново создан при Брежневе советский военный флот на мировых океанах: 249 военных кораблей крупного калибра («Зюддойче цайтунг», 23. 2. 1976).

В Кремле вынашивают планы не только глобального, но и космического господства. Поэтому небо кишмя кишит советскими ракетами. Только за 1957 г. советская армия запустила в космос 62 военных спутника против 9 американских («Вельт ам зоннтаг», 29. 2. 1976). В общем итоге, США, имея национальный доход в два раза выше советского, расходуют на военные нужды только 6%, а расходы СССР на военные цели составляют от 12% до 15% его национальной продукции. Руководители Пентагона сообщили Конгрессу, что СССР в прошлый год построил в четыре раза больше танков, в два раза больше военных самолетов, в четыре раза больше ракет и в три раза больше военных кораблей, чем США («Старс энд страйпс», 18. 3. 1976).

Об этих общеизвестных на Западе гигантских военных расходах Брежнев не сказал ни слова. Не сказал он и о том, сколько стоили Советскому Союзу победы коммунистов во Вьетнаме, Лаосе, Анголе, сколько ему стоит поддержка Кубы, компартии в Португалии, финансирование локальных войн в Азии и Африке, содержание коммунистических партий и их попутчиков в других странах. На них ведь тоже идут миллионы и миллиарды за счет самых насущных жизненных интересов советских людей. Вот элементарный пример безотчетности и безответственности правительства Брежнева: американский Конгресс запретил президенту Форду оказать материальную помощь прозападным армиям националистов Анголы, а члены Верховного Совета СССР только из иностранных радиопередач узнали, что Брежнев послал в Анголу 15 тыс. кубинских солдат на советские деньги, с советскими танками и ракетами.

3. ХОЗЯЙСТВО БЕЗ ХОЗЯИНА

Такова связь между хлебом и ракетами, между низким стандартом жизни советских граждан и чудовищным аппетитом советской военной машины. Но есть и более глубокие имманентные причины общего перма-

нентного кризиса недопроизводства советской экономики — это органический порок самой хозяйственной системы. «Хозяйство без хозяина» — вот короткое обозначение этого порока. Сошлемся на общеизвестные факты: на Западе, при «капитализме», в 3-4 раза выше производительность труда, то есть в 3-4 раза выше эффективность производства, чем в СССР. 40% работающего сельского населения США кормят больше народа, чем 30% советского работоспособного сельского населения. Ирония судьбы: Кремль называет свой строй «развитым социализмом» на переходе в коммунизм, а по стандарту жизни своих граждан СССР стоит на предпоследнем месте даже среди «неразвитых социализмов» в восточном блоке, позади него только Болгария.

Надо быть заведомым лицемером или безнадёжным невеждой, чтобы отрицать следующую закономерность: *чем развитее и выше уровень капитализма в той или иной стране, тем разностороннее и выше уровень жизни трудящихся, а чем развитее и выше уровень «социализма», тем ограниченнее и ниже уровень жизни его граждан.* Причины две. Одна из них была найдена еще Лениным. Он объявил первый опыт большевиков непосредст-

венного перехода к коммунизму порочным ввиду его хозяйственной неэффективности. Эту причину неэффективности Ленин видел в том, что не было личной материальной заинтересованности советских людей; поэтому он ликвидировал «военный коммунизм» и ввел НЭП. Вот тогда началась «золотая эра» советской экономики: магазины были полны товарами, а в советском сельском хозяйстве в первый и последний раз был кризис перепроизводства продуктов. Хлеба было так много, что XII съезд партии (1923 г.) вынес постановление направить все усилия на поиск внешнего рынка для советского хлеба. Так продолжалось лет шесть-семь. Была коммунистическая диктатура, «командные высоты» большой индустрии находились в руках государства, но мелкая и средняя легкая индустрия, как и индустрия сервиса, была объявлена свободной, то есть частной. Земля формально считалась национализированной, но она была отдана крестьянам на началах трудового пользования. Крестьянин был полным хозяином плодов своего труда, а государству платил только определенный продовольственный налог. Излишки он свободно продавал на рынке.

В глазах Сталина у этого порядка был один

существенный недостаток: при нем государство зависело от крестьян, а надо было сделать так, чтобы крестьяне зависели от государства. Поэтому он в конце 20-х годов ликвидировал НЭП и ввел продолжающееся и поныне новое государственное крепостное право. Заодно он ликвидировал и свободную индустрию. С тех пор советская экономика никогда не выходила ни в городе, ни в деревне из кризиса недопроизводства самых необходимых для населения товаров и продовольствия.

Не менее важна и вторая, уже упомянутая выше, причина — **тотальная бесхозяйственность партийных хозяев**. Это стало настолько общим явлением, что десятая пятилетка объявлена «пятилеткой эффективности» даже ценой снижения общих темпов развития в сравнении с предыдущими пятилетками. Но как можно объявить один лишь короткий период «эффективным», если вся хозяйственная система работает неэффективно? Брежнев не отрицает, что беда в неэффективности всей системы:

«Упор на эффективность — и об этом приходится говорить вновь и вновь — важнейшая составная часть всей нашей экономической стратегии», ибо «из-за неполного использова-

ния производственных мощностей мы из года в год недополучаем продукции на многие миллиарды рублей. Это, так сказать, прямые потери. Но, наверное, не меньше теряется и на том, что далеко не все министерства и ведомства идут на активное развитие специализации...» («Правда», 25. 2. 76, стр. 5). Здесь в основном речь идет о тяжелой индустрии. А как обстоит дело с легкой промышленностью? Брежнев сообщил:

«ЦК считает, что положение в отраслях группы «Б» не может нас удовлетворить... Вы помните, что на XXIV съезде говорилось о необходимости решительно изменить отношение ко всему, что связано с удовлетворением повседневных потребностей человека... Приходится признать, что с этой задачей в ее полном объеме справиться не удалось. Мы пока еще не научились, обеспечивая высокие темпы развития тяжелой промышленности, ускоренно развивать также группу «Б» и сферу обслуживания» (там же, стр. 6).

Тут положение кристально ясное: 1) советская экономическая система, опирающаяся не на творчество массы, а на тупоумную бюрократию Госплана, сама по себе неэффективна; 2) невозможно иметь сразу и много хлеба и много ракет.

Как же Брежнев собирается выйти из этого общего советского хозяйственного кризиса недопроизводства, неэффективности, бесхозяйственности? Брежнев, как и его соратники, — политик с бюрократическим образом мышления. Поэтому он и панацею от всех зол советской экономической системы ищет не в сфере политической и социальной, а в сфере бюрократической и управленческой. Поэтому он не нашел НЭП, как Ленин, а решил искать новый «хозяйственный механизм». Как на деле будет выглядеть реорганизованный «хозяйственный механизм» — ни Брежнев, ни Косыгин не доложили съезду. Брежнев только сказал, что разработаны и утверждены «генеральные схемы управления», «мы можем и должны ускорить перестройку хозяйственного механизма». Между тем, альтернатива нынешней бесхозяйственной системе только одна: коренной поворот во всей экономической политике наподобие НЭПа. Это значит: сохраняя в руках государства «экономические высоты», провести денационализацию легкой промышленности, приватизацию сферы обслуживания, деколлективизацию сельского хозяйства, легализацию рынка. Эта программа выглядит ансоветской только через сталинские очки, но

сняв эти очки и присмотревшись к «сокровищам ленинизма», каждый коммунист легко увидит, что тут речь идет о ленинском НЭПе, который Ленин и партия объявили в свое время программой «всерьез и надолго», программой на целую «историческую эпоху». Иного выхода у Кремля нет. То, что сейчас Брежнев предлагает, обречено на провал так же, как провалились на наших глазах бесчисленные «реорганизации» Хрущева.

1976